

18+

АЛЕКСАНДР ШУВАЕВ

ГНОМ

ЧАСТЬ I

The background of the cover is a complex, abstract geometric pattern. It consists of numerous irregular, faceted shapes in various shades of blue and yellow-green, creating a textured, crystalline appearance. The shapes are arranged in a way that suggests depth and movement, with some areas appearing more prominent than others. The overall effect is reminiscent of a low-poly 3D model or a complex geometric structure.

Александр Шуваев

Гном. Часть I

«Издательские решения»

Шуваев А.

Гном. Часть I / А. Шуваев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982693-0

Первая часть трилогии «Гном», фантастика. Относится к жанру альтернативной истории. Состоит из двух частей. Основное время действия — зима 1942—1943 годов (часть первая) и весна-лето 1943 года. Завязка сюжета — конец XIX — начало XX веков, когда последняя работа Георга Кантора волею судьбы оказалась в руках нищего студента из России, а потом, спустя десятилетия, — у его родственника, молодого парня из рабочей слободы. На ходе войны это сказалось как раз к зиме 1942-го...

ISBN 978-5-44-982693-0

© Шуваев А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Зимний планетарий*	6
Архетип: «образца» 1905 года	6
Из интервью 1958 года	17
De profundis	29
De profundis	38
Из интервью 1958 года	40
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гном Часть I

Александр Шуваев

© Александр Шуваев, 2020

ISBN 978-5-4498-2693-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-2694-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Зимний планетарий*
*«Марс», «Уран», «Малый Сатурн», «Большой Сатурн», полу-мифический «Юпитер». Кодовые названия стратегических наступательных операций Красной Армии, проведенных или только запланированных к проведению зимой 42—43 годов.

Архетип: «образца» 1905 года

«... взяли господина Профессора домой. Он почти все время лежал, на обращенную к нему речь ответов не давал, а если и вел какие-то речи, то были они бессвязны и почти неслышимы по слабости его голоса. Я по мере сил помогал Марте, когда приходилось ходить за ним, как за младенцем. Прошло почти две недели, но положение его не претерпевало решительных перемен. В субботу же, войдя в комнату, мы не увидели господина Профессора на обычном его месте. Точнее, – вошел Гунтер, мы услышали его слабый крик и кашель, а потом были им позваны. Теперь, по прошествии многого времени, я и сам пребываю в сомнении: верно ли его не было? Или мы, все вместе, были поражены той особенной слепотой, коя не позволяет видеть того, что лежит прямо пред глазами? А потом видишь, будто только что прозрел и не можешь взять в толк: как мог не видеть? Но, так или иначе, мы не видели господина Профессора ни в эти сутки, ни в те, что были следом. На утро понедельника рано поутру, мы вошли не питая никаких основательных надежд, но господин Профессор был в кабинете, на своем ложе, укрытый пледом. Поначалу он лежал столь же безучастно, а потом повернул голову к нам. Мы были несказанно обрадованы, потому что это было первым осмысленным движением господина Профессора за все это время. Он был без очков и, по причине слабого зрения, не узнавал меня. Впрочем, – он мог не вспомнить меня и без того: кто я такой, чтобы господин Профессор помнил мою, достаточно ничтожную персону. Но, несколько позже, он меня все-таки вспомнил. Марту же и Гунтера, который явился следом, будто почувствовав что-то, господин Профессор узнал сразу. Он вообще пребывал в ясном уме и полной памяти, только более обыкновенного тих и задумчив. По нужде господин Профессор пошел собственными ногами, только опираясь на нас с Гунтером, и даже позавтракал поджаренным хлебом с джемом и слабым кофе со сливками. Позавтракав, господин Профессор почувствовал слабость и пожелал лечь, вздохнувши, начал говорить, но я не смогу привести слов его доподлинно, а, единственно лишь, постольку, поскольку смог их запомнить и передать своим убогим языком.

По словам господина Профессора, все произошло, когда он писал черновик очередной лекции нового своего курса, и в своих раздумьях он зашел так далеко, что оказался в некоем «пересечении всех пересечений», где, как в фокусе, собраны «все смыслы». Это положение является «совершенно неподвижным и не имеющим размеров» центром некоего «Познаваемого Мира». Иначе господин Профессор именовал его «мир для нас» и утверждал, что «это – одно и то же». Из этой позиции «достижима любая цель» и «теряется грань между мыслью и действием», а «бытие превращается в бесконечную игру, где все цели доступны, и смысл имеет только очередность» причем это – совсем «иной смысл», нежели те, что нам привычны. Постепенно речь господина Профессора становилась все более бессвязной или же это я, по скудоумию своему, все хуже понимал его речи. Потом, будто опомнившись, господин Профессор

прервал свой горячий монолог, и протянул мне некий предмет, заметив, что это «пять праха», коий он зачерпнул, взыскуя в ходе Игры «бесконечной, но при этом актуальной дробности». На мое робкое замечание, что это – напоминает скорее некоторое вместилище, изготовленное каким-то неведомым мне экзотическим побытом, господин Профессор ответил, что «последняя часть пути» оказалась «замороженной» при возврате из «углубления» и «отлилась» в такой форме. Так же, по словам господина Профессора, содержимое может быть «легко явлено», к тому нет «никаких препятствий» и для этого достаточно усвоения даже той части нового курса, коий он предполагал к прочтению и опубликованию по осени сего года, с началом нового семестра, которую господин Профессор уже изволил закончить начерно.»

Якова Беровича, худого (так и тянет сказать слово «постного», оно неким образом очень хорошо подходит) молодого человека тридцати трех лет от роду с длинными, не вельми опрятными, какими-то желто-серыми волосами, никак нельзя было именовать успешным студентом. Вместо того, чтобы учить, он умилялся и восторгался непостижимой мудрости профессуры, вместо того, чтобы понимать, он пробовал верить. Те абстрактные предметы, которые ему пришлось изучать по дикому, только в реальной жизни и бывающему недоразумению, Яша воспринимал, как какие-нибудь «Упанишады», священные до слез, вызывающие экстаз и при этом совершенно невразумительные тексты с непостижимым смыслом.

Если короче, был он восторженным и вовсе лишенным критического мышления дураком. Такие типы особенно легко попадают в лапы сектантов и лжепророков, а вот Яша, причем в том же самом стиле, – угодил в университет. И – Уверовал. Нет, совершенно лишенным способностей его назвать все-таки нельзя, немецкий язык за эти годы Берович выучил в совершенстве. Он был беден то есть настолько, что одежда его находилась на нижнем пределе приличий. На самом нижнем. Рубаха из серого туалъденора с черной подпояской, две смены белья, и стоптанные сапоги. Скучные заработки свои он получал, ходя за тяжелобольными. Справедливости ради, – работал хорошо, истово, терпеливо и без малейших проявлений брезгливости.

И, разумеется, главным идиолом и кумиром для него был самый непостижимый и непонятный из профессоров. Даже для видных-то математиков некоторые из его идей казались малость чересчур, а уж для Якова! Абсолютно для него непостижимые на рациональном уровне, лекции зато оставляли в его душе отсвет чего-то такого, какого-то Горнего Света. Он был готов для своего кумира на любые услуги, если бы ему позволили их оказывать. Они понадобились позже, после того, как великого Георга Кантора поразила тяжкий душевный недуг.

После описанного Беровичем странного происшествия, профессор больше не вставал. Приглашенные эскулапы диагностировали «нервическую горячку», не исключив, впрочем, «воспаления мозговых оболочек», и сказали готовиться к худшему. У Яши на этот счет было свое мнение, которое он, правда, держал при себе: неосторожная Игра в «пересечении всех пересечений» видимо, очень плохо сочеталась с рассудком и самой жизнью. Но больной, вопреки всем ожиданиям, еще раз пришел в сознание и смог ясно и последовательно изъяснить последнюю волю. В нее, среди всего прочего, входило уничтожение последних черновигов. Кантор заявил, что «текст во всех смыслах представляет собой несомненную опасность», и не должен становиться достоянием неподготовленных умов и «еще более неготового общества».

Яша чувствовал себя буквально разорванным надвое. Он не мог не выполнить воли своего Пророка, но и выполнить ее он тоже не мог. И тогда он совершил подвиг, что для подобных ему простецов на самом деле является не такой уж редкостью. Он разделил черновики на пять частей, и отдал трем переписчикам и одной пишбарышне. Пятую часть он переписал собственноручно своим отменным, как у каллиграфа, почерком. Подлинники были соответственно завещанию уничтожены. Берович также был упомянут в завещании, став обладателем скромной суммы денег, что для нищего Яши была настоящим богатством. На часть этой

суммы он нанял своего однокашника, Збигнева Кохановского*, дабы он перевел «Крипты» на русский. Тот, в общем, согласился, поломавшись из ляшеского гонору, не без того. Он тоже порядком нуждался. Провозившись две недели он заявил, что работа – закончена, а вот разговор, напротив, следует продолжить.

– Тот перевод я, пся крев, сделал. И даже, увлекшись, написал комменты... Но знаешь ли что? Решил я того переводу тебе, пан Яков, не отдавать. А деньги возьми назад – все они в целости. Прошу простить, а только с писанием тем не все чисто. Оно Бог весть куда может завести.

И тогда Яша Берович, в считанные секунды сложив в уме хитроумный план, убил его и замел все следы. Он чуял, что Штуковина и «Крипты» составляют нерасторжимое единство. Так оно бывает с идеалистами. А «комменты» Кохановского вошли в состав Инструкции. Наряду с целым рядом других работ, индуцированных «Криптами» в следующие год-два. После начала Мировой войны и до Саниного отрочества бумаг этих никто не трогал.

*Совершенно позабытый факт. В Польше существовала сильнейшая математическая школа, давшая миру целую плеяду блестящих математиков. Только существовала недолго. Про венгерскую, бывшую пораньше, помнят отчетливо.

Конечно, нельзя сказать, что генерал армии Жуков уж совсем не был дипломатом. В его время, в его положении и при том образе жизни, который он вел, без этого важнейшего искусства выжить было попросту невозможно. Но все-таки основной профессией его была не дипломатия. Он был человек войны в самом изначальном смысле этого слова, такие, как он, делают карьеру в армии только во время войны, – или во времена сознательной подготовки к масштабным завоеваниям. В мирные времена, когда армию содержат для порядка и на всякий случай, без ясной цели, таких людей отодвигают в сторонку. Уж больно неудобны и неуместны. Настолько, что их присутствие во власти становится прямо опасным. Поэтому возникали порой моменты, при которых вся его способность к дипломатии отказывала. Как, например, теперь. Максимум, на что его хватило, это укрыться от посторонних глаз и, прежде всего, глаз руководства. Иначе он, пожалуй, все-таки наломал бы дров. После всего, что он сделал за эти страшные полтора года без малого, выступая в роли пожарной команды Верховного Главнокомандования, – и такое. Его, Георгия Жукова, решили использовать «в темную»! Он редко пил помногу, и никогда не пил для того, чтобы снять нестерпимое напряжение, поскольку считал это слабостью, но тут махнул полный стакан, не почувствовав вкуса, занюхал корочкой хлеба, не осознавая, что делает. Выпитое не оглушило, а как-то даже подхлестнуло работу мысли.

...Обстоятельства, при которых он узнал о готовящемся без его ведома грандиозном и кровавом блефе, у человека самую малость более подозрительного вызвали бы подозрение, что все это, – вообще подсунула фашистская разведка. А что, – безошибочный расчет: если первый генерал большевиков и не взбунтуется, не предаст, узнав такое, то, будучи прям и горяч характером, устроит свару, и тогда его надолго отстранят от руководства решающими компаниями. Если же, паче чаяния, он не сделает ни того, ни другого, то во всяком случае не будет излишне усердствовать на выделенном ему участке фронта.

А ведь недурно получается! Увлечшись, он обрадовался красоте умозаключений, но тут же вспомнил о причине, их вызвавшей, и опомнился.

...С другой стороны, – навязчиво, как бы сама собой, продолжилась мысль, уж если они считают его первым из стратегов Советского Союза, они должны бы сообразить, что обмануть его, – это вовсе не то, что обмануть одного из сановников в руководстве, даже самого хитрого, умного и искушенного в интригах. Дело тут не в том, что он умнее. Суть в том, что генерала нужно обманывать вовсе по-другому, именно что как генерала. Потому что генерал пользуется другими источниками информации и по-другому думает, нежели любой сановник. Так что

дурацкие мысли о немецкой провокации следует бросить сразу, пока не укоренились и не сделались реальной версией.

...А как бы поступил он, – на их месте? А точно так же и поступил бы, – если б, конечно, додумался. Большевики до сих пор пребывают в панике после того, как ровно год назад вермахт чуть-чуть не захватил их столицу. Они не способны думать ни о чем другом, пока группа армий «Центр» стоит в Ржеве и Вязьме, в трех сотнях километров. Они кидались на эту неприступную твердыню уже дважды, а вот теперь готовятся к третьей попытке в том же самом месте, – солдат им не жалко. Это точно? Очень, очень похоже на истину, господа. Ясный рисунок операции, – как им кажется, – во-первых, и семь армий во-вторых. Не шутки, совсем не шутки, господа! Безостановочно гонят подкрепления, не только ночью, но и днем, а это значит, что ночи им не хватает. Не все можно замаскировать, даже в принципе. А можно ль это как-нибудь проверить? Можно, почему ж нельзя: кто там командир, говорите? На Калининском фронте... Отставить! Кто координирует действия двух фронтов, семи армий и средств усиления? Некто Георгий Жуков? А вот это уже серьезно, господа! Будем считать, что планы большевиков разгаданы. И фюрер думает точно так же. Так что одновременно уплотняем оборону и готовим резервы подвижных сил, в глубине, чтобы не спугнуть. Отобьем, конечно, скорее всего – частично окружим, но бойня будет страшная, потери такие, что в пору хвататься за голову.

...Есть в шахматах такая фигура – ферзь, сильная, аж жуть. Почти непреременный участник киндерматов и иных нечаянных катастроф в кукольных баталиях на забавном ТВД* в клеточку. Настолько сильная, постоянная и настырная, что к ней поневоле приковывается основное внимание соперника. Все дело тут именно в этом самом «почти». Как бы немцы ни харахорились, а вот в шахматах особых успехов им стяжать не удалось. Очень так себе. Им и в голову не придет, что поверх военной стратегии можно наложить еще стратегию шахматную, – и это помимо политики и ее невообразимых соображений. Точнее, – генерал с сосредоточенным видом выцедил вторую порцию водки, но уже не полный стакан до краев, а так – три четверти, и не опрокинул в глотку залпом, а именно что выцедил, прямо сквозь кривую усмешку, – даже не так, даже еще смешнее: при помощи военной стратегии берут, и делают из человечка шахматную фигурку, «ферзь» называется. И как только это превращение случилось, дело, почитай, сделано, и весь театр военных действий, весь гигантский фронт, что от моря до моря и на несколько тысяч километров в глубину на обе стороны, для противника тоже превращается отчасти в шахматную доску, а он этого не замечает. Он по-прежнему принимает фигурку за человечка, и делает ходы, вместо того, чтобы воевать. Что из этого получится рано или поздно, причем скорее «рано», – понятно. Все понятно, и даже, наверное, правильно, и он согласился бы с такой правотой, если б не одна тонкость: человечка, из которого сделали фигурку, прежде звали генералом армии Георгием Жуковым. А теперь волшебством превратили в деревянную куколку. Вроде Буратино.

Вторая порция спиртного канула в горнило лихорадочно работающего мозга, как лопата антрацита, лениво, для порядка подброшенная потным кочегарам в и без того гудящую, раскаленную до белого жара топку. Он без малейшего усилия представил себе карту всего фронта, целиком, и проник сразу во все смыслы и замыслы обеих сторон.

...Ну разумеется! Пока он, со всем старанием, потя от натуги, будет гнать полки на убой, пока войска двух фронтов будут расшибать себе лбы в атаках на закостеневшую оборону, а немцы даже с некоторым облегчением ответят по обыкновению своему мастерским, подготовленным контрударом, настоящие, не шахматные генералы, с гарантией прорвут фронт в излучине Дона. И немцы, глядя за прыжками ферзя, поначалу даже не обратят на это особого внимания. А потом станет поздно, – хотя почему «потом»? Сразу же, потому что кукольный генерал Жуков, не зная, что он кукольный, дерется всерьез! Так, что особо-то резервы не строишь, в зимнюю степь не кинешь, перебросить сможешь не все, что надо, и позже, чем надо. И в порядке растрепанном виде, потому как ферзь все-таки.

...А тонко сыграли. Пожалуй так, что тоньше и не бывает. Чуть больше – и имитация превратится в реальность, а диверсия – в главную компанию. И его не смогли обмануть по той же причине, по которой не смогла бы выдуманная им давеча немецкая разведка. Пока работал начальником Генштаба, пока воевал полтора года, пожарной командой мотаясь по всем фронтам, создавая новые армии взамен разбитых, выбивая свежие части и технику у прижимистой Ставки, обеспечивая их переброску, научился чують. Не надо было считать, непосредственно чувствовал, сколько сил и в какой срок может дать страна, тыл, транспорт, а сколько – все-таки нет. Вот и сейчас почуюл, хоть и не сразу, не вдруг, а почувствовал-таки гнильцу. Все вроде по-настоящему, – а не то. Правильно по меркам августа, а сейчас, спустя три месяца, вроде бы как маловато. Скуповато, чахловато, скучновато, вроде бы как и хватает, но уж больно в обрез, без резерва и запаса. Он-то что, – впрягся, как привык, с обычной энергией и напором, требовал по привычке все, что считал необходимым, и добивался даже. Так, кое-чего. Чуть больше скупости, чуть больше бюрократии и волокиты, чем обычно, поначалу принял даже за обычный бардак, но того бардака, по идее, быть уже не могло: сам спалил, собственноручно. Так и почувствовал гнильцу, начал копать, почти убедился, но именно что «почти». Уверенность пришла, когда узнал случайно, чего, сколько, какими путями и в каком темпе гонят туда, в междуречье Дона и Волги. Человек с его опытом просто не может спутать подготовку *Главного Удара* с какими угодно другими мероприятиями. Это все равно, что не узнать родную мать или самого себя в зеркале.

Обижаться, понятно, не на что, потому что какой мерой меришь, такой и тебе будет отмерено. И он без колебаний пользовался людьми, как инструментами, нет, как топливом, подбрасываемым в ненасытную топку войны. Дошла очередь и до него. Да и что значит это самое: «дошло и до него»? Лично его на убой как раньше никто не гнал, так и теперь никто не гонит. Это ему гнать людей на убой, как, бывало, гнал и раньше. В тех самых степях, где настоящие генералы готовят фрицам сюрприз. Настойчиво бросал в самоубийственные атаки необстрелянные войска прямо с марша, то есть нарушая *все* правила хорошей армейской практики, но все-таки не пустил Четвертую танковую армию немцев к Сталинграду. А что, спрашивается, ему оставалось делать? У артистов это называется амплуа, вот и у него начало складываться что-то вроде, он становится человеком, Который Гонит На Убой. И в тех случаях, когда ничего другого нельзя придумать, когда красивых решений либо попросту нет, либо нет времени, чтобы их подготовить, а от катастрофы все-таки надо уходить, посылают генерала Жукова. Он может гнать в атаку в тех условиях и при таком уровне потерь, когда этого не может никто больше. Он сохранит оперативное управление войсками тогда, когда не сможет никто больше. Так что в нынешнем его назначении не один только смысл, их как минимум два. Он может выиграть сражение, может его проиграть, но противнику скучать не придется во всяком случае. Он все время будет чувствовать себя на грани краха, в предельном напряжении, под смертельной угрозой...

От вовсе несвойственной ему интеллигентской рефлексии отвлек голос адъютанта.

– Товарищ генерал армии, к вам маршал Шапошников.

Сказать, что такого рода явление было необычным, значило не сказать почти ничего. Это было практически немислимо сразу по нескольким причинам. То, что старый маршал не вызвал его к себе, не переговорил в сторонке во время очередной встречи в Ставке, а именно явился к нему, было чем-то из ряда вон выходящим. Это просто случилось впервые.

– Можно?

Как будто бы могло случиться, что Жуков откажет. Как будто у него на это есть право. Как будто Шапошников откажется от своих намерений, если Жуков скажет «нельзя», сославшись, скажем, на занятость. Единственное, что он позволил себе, так это секундная задержка перед тем, как встать с приветствием. Он потратил это мгновение на мимолетный, но очень нелегкий взгляд.

– Здравия желаю, товарищ маршал.

– Здравствуй, Георгий Константинович. Сесть предложишь?

– Могли бы не спрашивать, – в голосе Жукова была слышна едва заметная горечь, – Борис Михайлович. Располагайтесь. Чаю?

– Благодарю. Как-нибудь в другой раз. – Гость бросил на генерала испытующий взгляд. – Уже знаешь?

– Знаю, Борис Михайлович.

– Переживаешь?

– А я не институтка, чтобы переживать. Я в армии тридцать лет. Да, я действительно думал, что достоин большего доверия, но понимаю, что у руководства могут быть свои причины.

– Если для тебя это что-то значит, могу сказать, что был против с самого начала. Не против назначения, которое считаю совершенно правильным. Против того, чтобы тебя держали в неведении относительно истинной цели этой твоей операции. И не потому, что это нехорошо и нечестно по отношению к тебе, а только по той причине, что бесполезно, потому что все равно поймешь, а после этого станет не только бесполезно, но и вредно для дела. Они-то, они никогда не поймут тебя так, как понимаю я. Им казалось, что от тебя можно скрыть подготовку такого масштаба. Я прямо говорил, что не выйдет, но Совет решил так, как он решил.

Жуков помолчал, исподлобья глядя на гостя.

– Товарищ маршал, но вы ведь не для того приехали сюда, чтобы нарушить решение Комитета Обороны и приказ Верховного, а?

– Не для этого, – голос Шапошникова звучал сухо, – и не для того, чтобы утешить тебя в твоих переживаниях. Пока идет война мне, откровенно говоря, плевать на любые переживания. Твои, чьи угодно и мои собственные. Я приехал для того, чтобы по возможности предотвратить возможный вред делу.

– Я буду выполнять приказ ставки со всей доступной мне энергией и в полную меру своего умения. Вверенные мне войска свяжут такие большие силы противника, какие только окажется возможным. Мы делаем одно дело в рамках одного замысла, и я свою часть работы выполню.

– Георгий Константинович, – маршал осторожно вздохнул, – ну зачем вы так? Я о том, что отвлекать-то можно по-разному.

– Что вы хотите сказать?

– Ну вы же поняли. Успешный прорыв обороны позволит сковать куда большие силы германца, чем простые атаки, даже самые мощные и настойчивые.

– Вы в курсе, какие силы и средства мне дали на проведение этой операции? И кто мне на самом деле противостоит? И какие резервы они подготовили в глубине обороны, километрах в шестидесяти от фронта? Вы знаете, что противник, судя по всему, хорошо осведомлен о наших планах и готов? Вижу, что информированы. Так что успешный прорыв... под большим вопросом. Поэтому будем делать все, как всегда, а потом еще лет двести будут рассказывать, как Жуков гнал пехоту по снегу на неподавленную оборону.

– Силы и средства, Георгий Константинович, вам дали, может быть, и недостаточные, но незначительными их тем более назвать нельзя. Я это к тому, что в вашей власти использовать их по-разному.

Ага. Вот сейчас он, кажется, наконец скажет, зачем приходил на самом деле. Оказывается, ему все-таки было, с чем прийти к... к соратнику, в конце концов. Это все-таки оказалось самым главным. Интересы дела во-первых, но, все-таки, и «товарища выручай» тут тоже присутствует. И бог знает что еще. Потому что ум старого маршала бесконечно далек от старческого консерватизма и неприятия нового.

– Тут с вами испытатель с завода хочет поговорить насчет прорыва. Уж вы примите, уделите толику внимания, настоятельно рекомендую... И – вот еще что: не давите вы на человека, мы-то привычные, а он человек штатский, перепугается, и тогда от него мало будет толку.

Когда рекомендует Шапошников, рекомендации следует выполнять. Это и впрямь может оказаться важно.

– Ну, если вы советуете... Он где?

* ТВД – Театр Военных Действий.

Испытатель ему, в общем, понравился. Худой мужик в черном комбинезоне, лет двадцать пять – двадцать семь, заметно прихрамывает, и, как у всех на что-нибудь годных людей в это время, красные от хронического недосыпания глаза. Наткнувшись на тяжелый, как свинец, взгляд хозяина кабинета, встал по стойке смирно.

– Начальник группы технического сопровождения от завода №63 Семенов. Направлен для обеспечения боевых испытаний новой боевой техники.

– У вас пятнадцать минут, Семенов.

– Товарищ генерал армии, разрешите показать, это будет быстрее, у меня техника при себе. А я отвечу на вопросы...

У него был совсем маленький, черный кинопроектор, Жуков никогда не видел таких, и обширное полотнище из тончайшего материала, которое складывалось до размеров тетради, а потом расправлялось без складки. Техник хроманул к стене и как-то в несколько движений наклеил на нее экран.

Чего меньше всего ожидал Жуков, так это того, что изображение окажется цветным, с глубокими и яркими красками, а звуковая дорожка шла внятно и звучно, без малейшего намека на привычные треск с шипением. Промелькнули с почти неуловимой взглядом скоростью круг, крест, еще что-то, на мгновение задержалась надпись: «Внимание! Совершенно секретно. Только для высшего руководства!». На экране, плавно колыхаясь на ухабах, катили по бездорожью два огромных танковых шасси, на которых вместо башен было смонтировано что-то, напоминающее крупные понтоны. Остановка, водитель с напарником, игрушечными чертиками выскочившие из кабины, откуда-то сзади из доселе невидимых машин горохом высыпались расчеты, негромкий, но глубокий гул, и громадные направляющие, смонтированные в один ряд, поднялись и замерли под углом к горизонту. Тяжелые «блины» опор, упершиеся в землю. Грузовики с огромными, по несколько метров в длину, ракетами, автокран с особой конструкцией «стрелы». Все, как обычно, но что-то раздражало, и генерал никак не мог взять в толк: что именно? Понятно. Бойцы одеты не в солдатскую форму, а в рабочие комбинезоны, и это режет взгляд, привыкший видеть только солдатские гимнастерки да серые шинели, и, в принципе, ничего другого.

– Теперь, товарищ генерал армии, то, что меня попросили сообщить. Нам удалось сделать особо крупные шашки твердого топлива для ракетных снарядов, топливо тоже отличается особой плотностью, превосходящей все, что было прежде, в... приблизительно в два раза.

– Зачем мне нужно знать эти подробности, – голос генерала был ровным и бесстрастным, – вы отнимаете у меня время.

– Сейчас, товарищ генерал... То, что нам удалось делать шашки с такой точностью, позволили существенно повысить точность стрельбы на большой дальности. На расстоянии в двенадцать километров мы попадаем в круг радиусом в двести метров. Техническая дальность этих ракет достигает тридцати километров, и может быть существенно увеличена... Но там разброс несколько километров

На экране заполыхали ослепительные бело-голубые молнии пуска, а изображение на экране затянуло сплошной, непроницаемой тучей дыма и пыли.

– Вижу. – С раздражением сказал генерал. – Что-то вроде очень большой «катюши». Что тут такого, что мне было бы нужно видеть?

– Ракеты сделаны такими большими, товарищ генерал армии, чтобы они несли особые боеголовки. Меньше их никак не сделаешь, не получается. Вот, посмотрите.

Следующий план был выбран очень умело. Склоны холмов, поросших соснами, переходящие в старые, пологие балки, чернеющие безлистным кустарником. Расстояние позволяло оценить масштаб действия. Неожиданно огромная по площади часть земной поверхности вдруг вспыхнула вся разом ослепительно-белым огнем, так, что изображение даже померкло от непомерной яркости. На фоне исполинских клубов меркнувшего пламени высокие, статные сосны казались карликами. Удар достиг тех деревьев, что не были накрыты сразу, взмахнул ими, как тоненькими прутьями, сломал и отбросил прочь. Следом пропуск, показанная с более близкого расстояния картина пепелища. Угли, зола, еще дымящиеся, обугленные обломки дерева, только недавно бывшие лесом.

– Гарантировано уничтожение противника в траншеях, землянках, ходах сообщения, простых ДЗОТ-ах и ДОТ-ах. Возможно, уцелеет часть живой силы на нижних ярусах сложных, многоэтажных блиндажей и ДОТ-ов, но и она, скорее всего, окажется небоеспособной. Залп одной машины накрывает зоной сплошного уничтожения порядка квадратного километра территории. Особая топливная смесь тяжелее воздуха затекает в любые складки местности, при подрыве выжигает кислород воздуха и создает такой перепад давления, что возникает баротравма легких. Боеготовных машин такого рода у нас пять. Пять залпов – это двадцать пять квадратных километров территории, на которой боееспособной живой силы не останется... Ракеты очень дорогие, почти по цене истребителя, но их у нас – больше, – лицо Семенова исказила мимолетная судорога, – чем на пять залпов, и сколько-то мы еще можем успеть сделать. Это первый ролик. Прикажете показать второй?

Жуков, тяжело глядя исподлобья, молча кивнул. На экране такие же, как прежде, заводские испытатели в комбинезонах и ватниках, только машины другие, вроде американских «виллисов», но на более широких шинах, кабина закрытая сверху и сзади, в низком кузове смонтировано две каких-то круглых штуки. Вспышка, из кузова вылетает ракета, волоча за собой дымный след и какой-то бесконечной длины «хвост», который в конце концов оказывается на земле и вдруг взрывается со страшной силой, оставляя широкую полосу перепаханной земли, с которой сметено все постороннее.

– «УЭРМ – 2 (а)». Устройство экстренного разминирования, автомобильный вариант, побольше и помощнее, есть «п», переносной, предназначен для переноски штурмовой группой саперов, поменьше. Гарантирует подрыв всех типов мин и управляемых фугасов. Если уложить вдоль траншеи, тоже мало не покажется. Доложить соображения изготовителя? Две минуты?

– Докладывайте.

– Предложенные образцы разработаны по приказу Верховного Главнокомандования и представляют собой единую техническую систему внезапного прорыва тактической обороны любой плотности, когда одновременно с нанесением удара установками залпового огня под условным названием «буран» в зону подавления выдвигаются штурмовые группы разминирования на вездеходах, расчищают проходы в минных полях и уничтожают уцелевшие, но серьезно подавленные долговременные огневые точки. Особенного эффекта следует ожидать, если одновременно с этим начинается концентрическое движение танковых частей и, главное, самоходной артиллерии. Можно рассчитывать, что в двух-трех случаях, прежде, чем противник создаст меры противодействия, возможен прорыв глубоко эшелонированной обороны противника *в любом месте* на всю глубину с выходом подвижных соединений на оперативный простор. Возможен вариант дальнейшего движения установок залпового огня в рядах подвижных сил для нанесения удара по выдвигаемым из резерва моторизованным и танковым

частям противника, и штурмовых групп для закрепления на захваченных позициях с созданием плацдармов. У меня все.

– Что это, – голос генерала выдавал крайнее раздражение, – за стратег у вас выискался? Может, нас поучите?

– Не у нас, товарищ генерал армии. Стратег настоящий, штабной работник высокого ранга. Персонально – не скажу, не знаю.

– А чего хромаешь? Ранен?

– Так точно. Ранен и контужен в марте, на Вязьменском направлении. После госпиталя комиссован и направлен в группу технического сопровождения завода №63.

– Что выпускает завод?

– Широкую номенклатуру боевой техники, товарищ генерал армии. Долго перечислять придется.

– И еще, Георгий Константинович, прежде чем вы встретитесь с испытателем. Не пряник, но вроде. У нас есть основания рассчитывать, что теперь ты будешь получать куда более полную информацию о передвижении, численности и технике противника. В том числе о ночной деятельности врага. Прежде всего ночной. Получишь и телефонную связь со специально выделенным офицером, и систему позывных, паролей и кодов для радиосвязи.

– Откуда? – Отрывисто спросил Жуков после короткой паузы. – Или еще одна военная тайна?

– А если понимаешь, то зачем спрашиваешь?

– Да глупо как-то. – Пожал плечами генерал армии. – Все равно же узнаю. Само по себе получится через неделю-две. Край – через месяц. Вы же понимаете, что от комфронта такие вещи утаить попросту невозможно.

– Не сомневаюсь, что узнаешь. Но без моей помощи. Я человек подчиненный. Система впервые получит полномасштабную обкатку именно на твоём фронте. Так что цени доверие...

«Если ад действительно существует, – думал майор Терентьев, – это должно быть очень похоже. Видал поганые места, и куда страшнее, вроде бы, видывал, а – все равно цепляет. Даже не поймешь – чем.»

Правду сказать, – в это время года и вся-то Россия-матушка выглядит не лучшим образом, голо, черно, по-сиротски, но тут было что-то особенное. По деревням и поселкам, по городам и весям стоят голые деревья и скелеты кустов, а тут попросту нет ни того, ни другого. Тут и земли-то нет, в обычном понимании этого слова, такой, какая она бывает в нормальных местах. Хотя бы в виде тех черных, налитых водой ухабов, которые им пришлось преодолевать по пути сюда. Нет. Черные коробки корпусов за глухими четырехметровыми заборами из аспидно-серых щитов, гигантские, наглухо запертые ворота в заборах и прямо в высоченных стенах, кое-где – жирно блестящие черные рельсы, выползающие из-под ворот. Не время, значит. Надо думать, что ночью тут куда как более оживленно. Открываются ворота, по рельсам из гигантских цехов выползают тихие поезда, спешат отвезти аккуратно упакованные комплекты на сборку, да бочки с проклятой отравой – на закладку. Но, скорее, просто не повезло, и не привык глаз. На заводских аэродромах ревут моторы, военпреды принимают товар, знаменитую ныне «косичку», чтобы поутру без задержек начать перегон туда, на Запад, где пролегает непомерной длины, смертная линия фронта. Тут нет ни единого клочка земли, который не перекопали бы за год по пять, по шесть раз. Тут нет снега, потому что и он идет в дело, вода никогда не бывает лишней, жажда Комбината неутолима круглый год, а временный излишек тут же уходит в бездонные хранилища, чтобы быть израсходованным летом, вот и стараются прикомандированные зэ-ка, убирая все, до последней снежинки. Как в том анекдоте, ей-богу. И все это имеет совершенно чудовищные размеры, тянется без конца и края, куда

достаёт слабое человеческое зрение, и ещё дальше. Целый город производственных корпусов, черных, страшных, безликих барачков, бесконечные поля одинаковых цилиндрических емкостей, соединенных проводами, трубами, и опять-таки рельсами, что тянутся вдоль этих уходящих вдаль рядов, сменяются столь же бесконечными рядами емкостей кубических, размером чуть поменьше хлебного фургона. Нет. Не город. Что-то среднее между громадным городом и черным от смазки и копоти механизмом невообразимых размеров. Вроде судового двигателя, увеличенного... в миллион? В десять миллионов раз?

Впечатление усиливалось от порядочной компактности расположения узлов этого города-механизма. Говорят, он отличается от всех заводов, это вроде бы как понятно всем, но никто не может разобраться, чем именно. И дело даже не в технологиях, не в номенклатуре, не в диковинном наборе работников, а как-то во всем вместе. Вот его и послали разбираться. И инструкции от начальства, как всегда у нашего начальства: запретили выкапывать заговоры там, где их нет, но проявлять «особую бдительность», поскольку оно, Второе по Счету, начальство чувствует, что там «что-то чуждое творится, не наше». В общем – сам разберешься. Предыдущий – сгорел, как швед, потому что проявил избыток бдительности и похватал по привычке, как «явных врагов народа и троцкистских прихвостней», тех, кого хватать было нельзя. Исходя из текущего момента, суть которого надо уметь улавливать, а он уловил не вполне. А перед этим сгорел еще один, и не потому что прошляпил, а потому что не доводил вразумительно о том, что тут творится. А не доводил по причине того, что вовсе не умел отличить, что важно, а что нет. Не сумел, запутался в бесконечном море сведений, затосковал, а потом запил и пустил все дело на самотек. Хотя не расстреляли, вошли в положение: пошел в особый отдел дивизии, на фронт, в самое пекло, так что хоть убили его немцы, не свои. Это утешает.

Так и есть, глаз привык, начал замечать движение, и уже странным казалось, – как это он не заметил сразу маленьких поездов, едущих от одного «бака» к другому. Очевидно, глаз обманывали сумерки, и, кроме того, эти недлинные сцепки небольших платформ отличались какой-то неуловимой плавностью хода. Только слышно было, как гнусаво подвывают... электромоторы? Это у кого же это так роскошно с электричеством?

- Ну что, Анатолий Сергеевич, пойдёте дальше? Куда теперь? На станцию?
- Да все равно. Давайте хоть на станцию.
- Это ехать надо.
- Тогда поехали.

Это только так называется – «станция». Громадный железнодорожный узел. Вроде «Москвы – Товарной», только, пожалуй, побольше. Десятки «ниток» рельсов. Переработка главного груза, – несортного леса лиственных пород начиналась прямо здесь: вагоны затягивают на технологические горки и валят древесину прямо в бункер гигантской растирочной машины. Вагон за вагоном.

Стук колес и лязг буферов. Пронзительное шипение пара. Чудовищный, перетряхивающий внутренности утробный рев растирочных машин. Вой электродвигателей широких, как улица, ленточных транспортеров, крытых, несущих целые реки горячей щепы, воняющей так, что с непривычки захватывает дух. Тащат недалеко – к приземистым гидролизным бакам высотой в двадцать метров. Друг друг не слышно на расстоянии шага, приходится орать друг другу на ухо.

- Что? Не слышу?
- ...!!!
- А!?
- Это Щепная Площадка!!! Попросту «Щепка». Или «Дрова». Это тоже она. Таких площадок у нас двадцать две.
- Что?! И все такие же...

– Есть малость поменьше. Есть побольше.

– Приказ на дальнейшее прохождение службы получите сегодня, в 16:00. До этого постоянно находиться на связи. Сейчас свободны.

– Есть находиться на связи. – Привычно вытянулся Семенов. – Есть получить предписание в шестнадцать – ноль-ноль, сегодня.

– Ваша заявка содержит требования, чтобы полк был укомплектован машинами производства 63-го завода. Что за детские капризы, товарищ гвардии полковник? Какая вам разница?

Лев Шестаков бросил на собеседника взгляд, который показался тому не то слегка пренебрежительным, не то вообще вызывающим. Так смотрят на безнадежно наивного или попросту глупого человека, с которым, тем не менее, приходится разговаривать. И ответил после короткой, едва заметной паузы, уклончиво-обтекаемо.

– Машины этого завода более надежны.

– И по какой причине вы требуете особого к себе отношения? Может, вам еще канкан с певичками?

– Никак нет. Получив задание на осуществление воздушного прикрытия спецдивизиона в особом режиме, я, согласно приказу, доложил, что потребуется для полноценного выполнения боевой задачи. Вам известно, что каждый пилот полка имеет не менее четырех подтвержденных побед. Личный состав полка не может считаться вполне обычным, и это вам тоже хорошо известно. Если всех пилотов посадить на «косички», да еще с родными движками, это позволит выполнить задание, находящееся под контролем Ставки. При этом еще и сохранив личный состав.

– Что за «косички»?

– Виноват. Такое прозвище на фронте дали машинам этого завода.

– Они что, – так сильно отличаются?

– Отличаются, – тон полковника опять-таки был каким-то странным, – да. Довольно-таки порядочно. И результаты совсем другие. И, главное, гробов заметно поменьше, хотя вам это, наверное, неинтересно.

– Вы как разговариваете, а?!

– Виноват.

– Интересно у вас получается. У вас, значит, поменьше, а у других – побольше?

– У других – другие командиры. А мою правоту легко просчитать. Летчики ГИАП на «косичках» с гарантией сожгут больше самолетов противника, чем какая угодно другая часть. Чем больше их сожьем мы, тем меньше достанется другим, тем больше новичков переживут первый бой, первый месяц и станут полноценными бойцами. Все просто.

– А кто будет брать машины других заводов?

– Те, кому не повезет.

Из интервью 1958 года

Р. Поверьте, я очень хорошо понимаю трудности описания вещей, которых собеседник не видел и не может себе представить. Но вот вы все-таки имеете учеников. Утверждаете даже, что некоторые пошли куда дальше вас во всех смыслах. Значит, – нашли способ и слова объяснить. Поэтому, все-таки: каким способом вы воспринимали вещи, которые в то время описывали только на языке математики и никак не могли представить себе?

А. Б. У меня вообще достаточно сложное отношение к математике. Далеко не всегда, но очень часто ей приходится играть роль костыля, подпорки там, где у человека не работает образное мышление. Всего-навсего по причине того, что явление лежит вне его чувственного опыта. Я приведу пример. Не из тех времен, из куда более поздних. Вот несколько лет тому назад была модной тема «добротных квантовых полостей». Это такая микрокобочка, в которой отдельный квант может, отражаясь от стенок, прыгать теоретически вечно. И пошли обсуждать, как придать стенкам «атомную гладкость»! И давай выдвигать методы, от которых у меня волосы вставали дыбом. А математика! А вычислений!!! Так вот разница в том, что для меня вопрос о «гладкости» не стоял с самого начала. Я-то знаю, что он не имеет смысла, и внутренняя поверхность такой полости будет «сложена» внешними оболочками атомов, которые более-менее можно представить в виде сферических. «Гладкий» на таком уровне обозначает «регулярный». Такой, что при данной длине волны кванта его каждый раз будет встречать одинаковый энергетический уровень. Поэтому я с самого начала делал полость, как глобулу, свернутую из такой нити, что получается сплошная оболочка. Дальнейшее было делом техники.

Р. Так просто?

А. Б. Пожалуй. Вот только из одинаковых шариков не всегда удастся сложить оболочку, которая была бы сплошной для того фотона, который нужен. Этакие заковычки у физики с топологией на стыке. И чтобы при этом была стабильной. Поэтому состав «стенки» почти всегда имеет... гетерогенный атомный состав. Это несколько усложняет задачу. Характерные для комбинаторики объемы вычислений таковы, что любой ЭВМ хватит на миллиард лет непрерывной работы. Все зависит от тех способов, которыми сокращается тупой перебор вариантов. Причем запросто может выйти, что, получив перспективный результат, начинаешь его интерпретировать в реальные атомы, и вдруг видишь там гелий, неон, плутоний или вообще калифорний... То-то бывает радости... В результате мы начали работу по топологически-обусловленной самосборке оболочек, как только узнали о существовании самой проблемы, а на другой стороне все еще продолжали дискуссии о гладкости... там технологи не так хорошо сопрягаются со специалистами по квантовой механике. Потом они пошли нашим путем: сами дотумкали, или разведка постаралась. Но и с этого момента, пока наши ближайшие преследователи разработали полости для пяти частот, мы довели двадцать две... Всего, таким образом, пятьдесят одну.

Р. Простите, а практическое значение...

А. Б. Это вы меня простите. Не подумал, что вы вовсе не обязательно должны быть в курсе. Речь идет об элементной базе для вычислительной техники. В частности – для запоминающих устройств. Кажется, есть перспектива сделать их универсальными, сведя к минимуму разницу между ОЗУ и ПЗУ.

Р. Вы не думайте, я уроки учил. Понимаю, что значат в наше время передовые позиции в вычислительной технике. Это значит быть впереди и во всем прочем, верно? Скажите, и это все только благодаря особенностям мышления вас... и ваших учеников?

А. Б. Это было близко к истине... и до недавнего времени. Нам теперь все чаще удается делать специализированные вычислительные устройства... для решения узких задач, понима-

ете? Где все эти особенности о-отличнейшим образом моделируются. Мы сокращаем и сокращаем перебор, движемся к знанию и результату все более коротким и прямым путем... Х-хэ, я и не подумал, что вырисовывается парадокс: я говорил о моем сдержанном отношении к математике, а на деле получается так, что мы просто делаем более подходящую математику. Основанную не на формальной логике, а на той, которой мы пользуемся на самом деле.

Р. «Мы» или «вы»?

А. Б. Безусловно, «мы». Я – носитель крайнего на данный момент, но далеко не предельного варианта именно что нормального мышления, получившегося в результате дикой случайности. Почти чистый образец, изучив который, люди лучше поняли, каким именно способом думают на самом деле.

Р. Но не до конца?

А. Б. Не до конца. Окончание этого процесса может привести к непредсказуемым последствиям. Совершенно непредсказуемым.

Р. Вы считаете себя первым?

А. Б. Не такой простой вопрос, как кажется. Сходным способом мышления обладал Эйнштейн, но сравнивать нас трудно. С одной стороны – он стартовал в новый способ мышления, будучи ученым-физиком, а я – полуграмотным рабочим-мальчишкой. С другой, – он самородок, а я – результат очень специфического обучения и еще более необычного практического опыта. А еще у меня с самого начала не было предрассудков «научного» круга. Мне и в голову не приходило задумываться об относительности массы или времени. Как вы не задумываетесь, на сколько именно сантиметров протянули руку, чтобы взять карандаш... Кстати, – потом тоже не думал. По крайней мере, на протяжении долгого времени. Он, надо сказать, даже не пробовал постулировать и формализовать свой способ думать. А у меня... У меня с этим тоже были большие затруднения, но меня поправили. Было, знаете ли, кому.

Прототип I: образца 34

– Берович, ты еврей?

– Н-не знаю. И сам деревенский, и родители из Телепневки, и деды с бабками. Крещеными считались, а так – не знаю, может и еврей... А почему вы спрашиваете?

– Да фамилия у тебя. И разговоры тоже самые такие... еврейские короче. Можешь починить «Рейнметалл» или нет? Да или нет?

– Так там, товарищ Серегин, патрубок лопнул. На гидравлике. Потому и поршень покорило. Хорошо – остановил его Вавилов, а то и цилиндр бы того... Нету этих запчастей. Поставить – дело нехитрое, а вот запчастей нету. К фирмам надо.

– Ты понимаешь, что без этого станка весь план летит, ты понимаешь, а? Это же прямое вредительство выходит! Кто из мастеров такие запчасти может?

– Н-не знаю, – Берович в сомнении покрутил головой на длинной, кодыкастой шее, – все-таки наверное нет. Сделать – сделают, но как работать будет, это хрен его знает... В поршне так точно нужного зеркала не наведут... Не было бы хуже, мало того, что запорем станок, так еще фирмачи пеню наложат, сопровождение бросят. За контрафакт.

Он произнес мудреное слово с видимым удовольствием, и это ввело завцеха товарища Серегина в еще большее раздражение. Некоторое время он исключительно грубо, но при этом скучно и однообразно, с бесконечными повторами ругался, – за чем Берович наблюдал с непонятным интересом, – а потом успокоился:

– А ты сам? Как-то там по-своему – можешь?

– Так ведь не положено, – с сомнением протянул молодой наладчик, он же ремонтник, – говорю ж, – контрафакт...

– Слушай, Берович, ты что – еврей? Можешь или нет?!

– Ну, – промямлил тот, старательно глядя в сторону, – вообще-то могу...

– Так чего столько времени мозги засирал!? А?! Нет, ты все-таки еврей. Нормальные люди так себя не ведут.

– А за вредительство отвечать кто будет, если что?

– Да ты же и будешь, можешь не сомневаться.

– Да не, Валентин Трофимыч, работать-то оно будет... Только ведь и так просто могут донести.

– А ты помалкивай больше, помалкивай, – оно и не узнает никто...

А он – пошел к самодельному кристаллизатору собственной конструкции и, как обычно в последнее время, и все чаще, сделал. Он пока, по молодости лет, даже не догадывался, что стал на заводе своего рода палочкой вырубалочкой. Не то, чтобы знаменитостью, но что-то в этом роде. Это в большей степени характерно для традиционного общества: существуют некие жизненные реалии, о которых все знают, но почти не говорят, поскольку не принято и противоречит официальной морали. Вот, говорят, на деревне непременно есть колдун, шлюха (как вариант – сестры-шлюхи, непременно дочери шлюхи-матери), вор и придурок. Все про них знают, а говорить не принято. А на заводе был Саня, тоже постепенно становился такого вот рода реалией. Поколдовав когда час, а когда сутки, он делал любые детали, причем хорошо и надежно. Детали шли взамен вышедших из строя, а еще на немудрящую технологическую оснастку, которая крепко помогала вытянуть план. Он это как-то сразу видел, что за чем соединить, да как за один проход сделать три операции.

А потом на заводе случился аврал. Худой, с раздвоенным подбородком дядька, очень похожий на какого-то немецкого черта, статую которого он видел на экскурсии в музей, метался по заводу, переворачивая все вверх тормашками. Ругался, грозил и пугал, полномочия у него и впрямь были такие, что напугаешься, но большого толку не было. Чем больше пугалось начальство, тем меньше соображало и тем меньше порядку было. Дядьку тоже можно было понять: сроки по двигателю летели, и если опытный экземпляр заявленного «М» не успеет к испытаниям, то судьба его, скорее всего оказалась бы незавидной. Посадили бы – почти наверняка, но могли и расхлопать под горячую руку. Запросто. И дело-то поначалу показалось немудреным: есть краденый «француз», осталось слизать так, чтобы подошло к родным осинам и нельзя было бы придраться, – но не тут-то было. Базы были наперечет, нагрузка страшная, выбирать не приходилось, и вот на этой, конкретно на этом заводе, – ни черта не выходило. Аккуратные, изысканной формы детальки «француза» тут изготовить не могли. Когда пробовали, то получалось такое, что оставалось только бессильно материться.

Директор глядел на начальника цеха красными от недосыпания и хронического испуга глазами, молчал, а потом вдруг высказался:

– Валь, дай ты этому черту своего Санька под начало, а? Пусть только убывает скорее, сил нет...

Он, похоже, не врал, и сил у него действительно не осталось. Иначе попросту приказал бы, как делал всегда. Не заржавело б.

На следующий день пришлый конструктор в первый раз получил то, что ему требовалось. Не придерешься. Так у них и шло некоторое время: Владимир Яковлевич (так звали дядьку) заказывал Сане Беровичу ту деталь, изготовление которой казалось ему самым узким местом в создании образца, и следом безотказно ее получал. Порочность этой схемы выявилась очень скоро: Саня был один, а всяких деталей требовалось много. Так что когда наступала пора соединять те детали, которые делал Берович с теми, которые изготавливали все прочие, Владимир Яковлевич опять начинал мычать от безнадежной злости и бессильно материться в равнодушное пространство. На этом заводе ему постоянно казалось, что он попал в бочку

с клеем. Все получалось в несколько раз медленнее, чем могло бы. Он почти что пал духом. Настолько, что как-то раз дрожащим голосом проговорил:

– Хороший ты парень, Саня. И работаешь хорошо. Жаль только, на десять кусков тебя поделить никак не получится. А без этого никак.

– Почему?

– Да потому что ты, как ни крути, можешь сделать только один узел зараз. А все никак не сделаешь.

И вот тогда-то Саша Берович первый раз в жизни хмыкнул в разговоре со старшим.

– Почему? Сделаю. Над закладкой – да, покумекать придется подольше. А на само изготовление – так почти што никакой разницы, одна деталь, или, к примеру, пятьсот... Вот, к примеру, если с емкостью помогут, – так и сделаем. Никакой разницы.

Конструктор в очередной раз поставил руководство на уши, и с емкостью Сане помогли прямо на следующий день. Еще через два Владимир Яковлевич получил полный комплект деталей. Один к одному. Не в пределах допуска, а *вообще* без отступления от указанных размеров. С такой чистотой обработки, что к черному зеркалу поверхности страшно было прикоснуться. Двигатель можно было брать – и собирать. Конструктор осторожно вздохнул:

– Сань, ты чудо природы. Но человек ты дикий. Знаешь, как по-научному называют всякие такие моторы? Нет? Те-пло-вы-е двигатели. Ты знаешь, сколько жара вырабатывается на таком, к примеру, моторе? Нет? За один час – на банный день для всей заводской смены. Полностью. От того жара все расширяется, но металл – он тепло пропускает. А это ж у тебя не металл, ведь нет?

– Так крепче. И расплавить труднее.

– Говорю ж – дикий ты. Потому-то и материалы подбирают, и допуски под них. Понял?

– Понял, – кивнул Берович, что-то прикинув, – четыре емкости. И току, как на сварку, на всю ночь.

С током было худо. Так худо, что пришлось отключать даже рабочее общежитие. Соврали, что авария. Зато утром конструктор, отодвинув в сторону бездыханное тело Беровича, с сопением похватал кое-какие детали из новой партии и поволок их на стенд, только что смонтированный на заводе ценой невероятных ухищрений. На Саню, понятное дело, даже не обернулся, потому что было не до того. После этого пришлось делать заново только кое-какие мелочи, и мотор собрали. До положенного срока время даже еще осталось, и конструктор, обнаглев вконец, запросил у Беровича детали, которые, по его мнению, изготовить было и вовсе невозможно: нечто из разряда «нарисуем, будем жить». Получил. К этому времени конструктор и восемнадцатилетний рабочий достигли почти полного взаимопонимания, и на государственные испытания было представлено аж два варианта опытных двигателей. Из которых оба успешно отработали положенное количество времени. Однако же не обошлось без конфуза: второй вариант, тот, который с «наглыми» деталями, оказался по всем статьям лучше «француза»: целых восемьсот сорок сил против шестисот восьмидесяти у прототипа при втрое большем ресурсе.

Лев Шестаков отлично помнил, как произошло его первое знакомство с «косичкой». *Это* ему представили, как «Як – 1», но машинка отличалась от неплохо знакомого ему самолета уже на вид. Она даже с первого взгляда выглядела какой-то уж слишком аккуратной, настолько, что даже казалась меньше и тоньше привычного ему «Як – 1». И вызывала недоверие, как вызывает недоверие у простого советского человека все, что кажется ему слишком изящным. Наверное, – капризна, как дорогая курва, требует деликатного отношения и вообще... слишком нежная. А военпред, перегнавший машину сюда, положил ему на плечо бугристую лапу и сообщил, что: «Это – надо попробовать самому».

Он – попробовал. И согласился, дурак, что, во-первых, попробовать стоит, и, во-вторых, пробовать надо непременно самому. Потому как чего такого, на самом деле, мог знать военпред? Да, двигатель на самом деле возносил ее вверх, как кленовую летучку, как пух одуванчика. Да, скорость почти на семьдесят километров выше. Куда охотнее слушается руля и на двадцать минут дольше держится в воздухе на одной заправке. Это военпред оценить мог. А вот то, что нарядная лаковая обшивка пробивается пулей 7,62 только под прямым углом, почти в упор, он знал? А то, что, будучи пробитым, материал этот не рвется, не разрушается, не «ведется», и подбитая машина, превращенная буквально в дуршлаг, не разваливается в воздухе, если ее только откровенно не взорвать? Вряд ли. Кроме того, материал планера не деформировался, не плавился и не горел, и поэтому там ничего, никогда не заклинивало, а чтобы прострелить блок цилиндров, требовалась, как минимум, пушка. Радовало также то, что прозрачный материал «фонаря» оказался существенно прочнее обшивки, но военпред, понятно, вряд ли догадывался и об этом. Откуда? Это стало ясно потом, когда пилоты полка вдруг стали замечать, что немцы – не такие уж неуязвимые, непостижимые, непредсказуемые, почти мистические существа, какими казались сначала, когда резали сталинских соколов, как хотели, а их самих сбивали только случайно, сдуру, не понимая, как это получилось. Когда выжило несколько «ворон», уже угодивших под внезапную атаку, а фашисты обнаружили, что категорически не выдерживают «плотного» группового боя и имеют шансы только во внезапных атаках. Новички теперь успевали оглядеться и начали кое-когда попадать, «мессеры», дымя, спешили восвояси, а «юнкеры» сбрасывали бомбы где попало, теряли строй, а иной раз и падали. Тогда начальство странным образом не догадывалось, что машины одного типа могут оказаться существенно разными машинами, и «косички» давали кому попало. Впрочем, довольно скоро эта практика прекратилась вроде бы как сама собой, «косички» явочным порядком оказались у ведущих асов, затем – у «стариков», сумевших пережить три-четыре боя. А потом был создан их полк, и «косички» впервые сказали свое веское слово в этой войне.

Под Демянском сложился своего рода кровавый пат, необыкновенно тяжелый для обеих сторон, когда ни Красная Армия не могла пробить оборону немцев, окончательно задушив 2-й корпус, ни у вермахта не получалось восстановить полноценное сообщение корпуса с главными силами. Почти месяц войска рвали жилы в бесплодных атаках, а потом Василевский понял, где находится истинный ключ позиции, и был создан, собран по всему фронту их полк – и посажен в полном составе на «косички» «Як – 7С». Надо заметить, что командир высокого уровня становится *полководцем*, стратегом, как правило, именно так, как бы одним скачком: именно в тот момент, когда в мешанине сил, донесений, символов на картах прозревает некое место или обстоятельство, воздействие на которое решает исход всей битвы. Разумеется, без врожденных способностей, подготовки и боевого опыта этого не бывает, хотя и был случай, когда это состоялось в первом же сложном сражении*, но сам по себе переход неизменно оставляет впечатление именно скачка. Он необратим. После этого командир начинает понимать, что именно и с какой целью следует предпринять для того, чтобы с наименьшими усилиями и потерями остановить, или завести в тупик, или разгромить и уничтожить врага. А окружающие, вне зависимости от положения и званий, как-то проникаются, начинают считать человека лидером, лицом, заслужившим и имеющим право принимать решения.

Дело в том, что, когда кольцо окружения 20 февраля окончательно сомкнулось, снабжение группировки осуществляла, хоть и с крайним напряжением сил, транспортная авиация. Чтобы прикрывать драгоценные транспортники, была выделена специальная истребительная эскадрилья. Вот над ее-то аэродромом и обозначился впервые вновь созданный полк. Простурмовали, сбросили несколько десятков мелких бомб, уничтожив и повредив десятка два машин, одного сожгли, когда он только начал выруливать на взлетную полосу, двоих с наслаждением, сверху со встречных курсов, свалили сразу после взлета, не дав разогнаться и набрать высоту. Разумеется, это было далеко от нокаута, и разгром базы был далеко не таким сокруши-

тельным, как им показалось сверху, но полк не потерял своих, не привез ни единой «дырки», – и, все-таки, качество прикрытия удалось снизить довольно заметно. Следующие две недели были сплошным кошмаром, три-четыре вылета в сутки стали рядовым событием, но полк вцепился в транспортники врага с доселе небывалым для сталинских соколов упорством, не давая себя всерьез отвлечь от главного. Немцы теряли по три-четыре транспортника в день. Еще столько же драгоценных «Ju – 52» приходилось после возвращения всерьез ремонтировать, доставалось и истребительному прикрытию. Они не знали, что немцев буквально приводит в отчаяние феноменальная живучесть «косичек». Пока еще опыт и умение их асов позволяли компенсировать выдающиеся скоростные и маневренные качества этих машин, но то, что в них стреляешь-стреляешь, а они – как заколдованные, продолжают летать и драться, угнетало необыкновенно.

Постепенно, но и не очень медленно, поток грузов, переправляемых по воздуху, обмелел в несколько раз, грозя пересохнуть совсем, окруженные войска неотвратно теряли и подвижность, и огневую мощь. Командование 16-й армии добилось-таки от Гитлера разрешения на прорыв, но оно к этому времени сильно западало. Во время обороны и последующего прорыва корпус потерял больше двух третей личного состава и практически все тяжелое вооружение. По сути дела, его пришлось формировать заново, а генерала Василевского то его внезапное прозрение вознесло в ряды штабной элиты. Вполне заслуженно занесло, потому что теперь он стал стратегом и оператором *по-настоящему*.

Бойцов сводного полка срочно требовали по месту постоянной службы, оно и понятно, без каждого из них было плохо, а без двух-трех так и вообще зарез, но тут как раз подвернулось еще одно совершенно определенное дело, которое нужно было не *выполнять*, пусть даже героически и не щадя своей жизни, а просто-напросто конкретно *выполнить*. Это было сделано, и после этого полк оформили на постоянной основе, дав гвардейский статус и почетное название «Демянский».

* У Наполеона под Тулоном.

Во время, которое не обозначало ничего, и не было связано ни с чем, в восемь часов ноябрьского утра на опушке леса полыхнуло, взвыло оглушительно и устрашающе. Редкую цепочку массивных машин, расположенных в семистах-восьмистах метрах друг от друга, язык не поднимался назвать позицией. Машины боевого обеспечения находились сейчас позади, замаскированными в лесу. Зато там, на юге, полыхнуло сразу вдоль всей линии горизонта, темной, зубчатой, еле видной. Следом ее затянула сплошная пелена дыма, пыли, пара ли, – кто там разберет? Туда-то, в непроницаемую для глаз, медленно оседающую завесу испорошенного, распыленного, неидентифицируемого вещества, стремглав нырнули юркие машины штурмовых групп саперов. По окрестным лесам залязгало, заревело, между редких деревьев показались первые машины танковых частей, издали донесся глухой, пульсирующий рев артподготовки, а спереди, там, где исчезли штурмовые группы, несколько раз резко, раскатисто ахнуло. Расчеты установок смотрели провода, сняли машины со стопоров и двинулись вслед за передовыми танковыми ротами. Мир за пеленой тучи, которая, оседая, еще продолжала двигаться навстречу рванувшимся в атаку частям, был страшен. Обугленные, лишенные хвои и ветвей деревья, изломанные, расщепленные деревья, мертвые окопы с редкими трупами на передовых позициях, опрокинутые орудия на закрытых позициях артиллерии. Необозримые черные проплешины лишенной снега, спекшейся земли, похожей на шлак, парили, как горячие ключи по зиме, затягиваясь густым туманом. Черные скопления изуродованной, дымящейся техники. Вот отсюда, с примерно обозначенных позиций, без знакомых ориентиров, установки снова заняли огневые позиции, развернулись, и дали второй залп прежде, чем уйти за следующей группой танков. Судя по тому, что было слышно с юга, боя практически не было. Очевидно,

начальство хорошо накрутило хвост командирам атакующих частей, потому что они рвались вперед, оставив обычную осторожность и стремясь только продвинуться как можно дальше туда, на юго-запад, пока не началось. Смертную полосу, по утверждению некоторых устланную трупами в три слоя, преодолели с какой-то бредовой, волшебной легкостью, почти не понеся потерь.

– К исходу 22 ноября на западном фланге выступа войска Калининского фронта обошли Великие Луки с юга и обозначили поворот общим направлением на Смоленск. С рассветом 23 ноября передовые танковые части с десантом на броне в сопровождении штурмовых групп общей численностью до батальона, на штатном транспорте далеко оторвались от главных сил и не были своевременно обнаружены разведкой противника, возможно, в связи с невысокой численностью, и столкнулись с передовыми частями сорок первого танкового корпуса немцев, движущимися в походных колоннах. Командир бригады принял решение на начало встречного боя с целью приостановки продвижения противника, тем временем отдельный дивизион реактивных установок произвел два залпа по колонне противника. После этого, в исполнение приказа командования фронтом, дивизиону было приказано направляться в армейский тыл. Танковые части завершили разгром колонны исходной численностью до моторизованного полка, потеряв до половины исходной численности и продолжили движение. Последнее сообщение о том, что вступили в бой с танковыми частями противника, пробуют оседлать просеку и закрепиться, но имеют слишком мало противотанковых средств. К этому моменту к месту боя начали подходить основные силы 3-го танкового корпуса, постепенно вступая во встречный бой.

– Опять по частям!

– Так точно. Положительным моментом тут является только то, что немецкие резервы тоже вступают в бой постепенно, с марша, не успевая полностью развернуться в боевые порядки и в неоптимальной конфигурации. Танкисты, помимо боевых частей, постоянно встречают колонны тыловиков и мотопехоту без развернутых противотанковых средств. Сейчас 41-й танковый корпус немцев пятится на юго-восток, он задержал продвижение наступающих войск, но уже понес неприемлемые потери и в ближайшее время не сможет быть использован для контрудара во фланг наступающим частям Калининского фронта. Согласно имеющимся разведанным, немецкое командование спешно перебрасывает к месту прорыва резервы. Командование фронта предполагает последующий удар нанести еще западнее параллельно сложившейся линии фронта, перенеся таким образом направление главного удара в обход завязавшихся боев, продвинуться дальше на юг и втянуть во встречное сражение большую часть резервов, направляемых к Волге.

– Скажите, товарищ Жуков, вы не предполагаете проведение операций на окружение и на вашем, центральном участке фронта?

– Никак нет. Имеющиеся силы и средства не позволяют проводить здесь крупных фронтальных операций на окружение, в силу хотя бы лесисто-болотистого характера местности и неравноценности имеющихся в составе фронта соединений. В то же время конфигурация фронта и расположение сил противника не позволяет отрезать их от основной группировки... Только это, может быть, и к лучшему.

– Объясните.

– Намечается сразу несколько тактических мотивов. Во-первых – захват и пересечение железных и шоссейных дорог в условиях лесисто-болотистой местности без попыток создания прочного кольца окружения. Вместо того, чтобы истреблять окруженных, заставлять их форсированно выводиться войска с угрожаемых позиций при недостаточном снабжении. Это, конечно, гораздо меньший уровень безвозвратных потерь живой силы, но в условиях зимы

обозначает катастрофические потери в технике и тяжелом вооружении, а также значительную убыль отставшими, обмороженными и больными.

Сидевший здесь же с опущенной головой Клим Ворошилов приподнял голову, искоса поглядев на докладчика. Впервые за несколько лет он, неожиданно для себя, ясно и отчетливо понял, о чем идет речь и что именно это может значить. Понимание это было сродни чему-то вроде мрачного вдохновения.

– Во-вторых, – прорывы на узком фронте сравнительно небольших по численности подвижных сил, преимущественно для создания угрозы и уничтожения в равной степени выдвигаемых противником резервов и отступающих на марше. Бить не окопавшихся окруженцев, а колонны на марше, сделать их первоочередной целью. Это предъявляет меньшие требования к взаимодействию и координации. Можно ожидать, что на какое-то время это сделает наши действия менее предсказуемыми для противника.

– А если гитлеровцы разгадают основную цель наступления на центральном участке?

– Товарищ Сталин, а мы пока и не задаем им никаких загадок. Мы их бьем честно, бесхитростно, и на полном серьезе. Они могут отвести войска из Ржевско-Вязьменского выступа, поняв, что цена такой угрозы Москве может быть слишком велика. Но вот отдать сейчас Смоленск, когда под Сталинградом начались события, требующие оперативного реагирования, они не могут. Это означало бы полное разрушение системы снабжения и в центре, и на юге. Угрозу окружения всей группы армий «Север». Это означало бы практически мгновенную катастрофу. У нас на это не хватит сил и средств, но они-то этого не знают и поэтому перебросят сюда резервы. Так что деблокировать Сталинград им будет нечем. Дополнительным обстоятельством может послужить возможная дезориентация противника, успешный на данный момент прорыв на центральном участке фронта, там, где они и ожидали удара, не позволит оценить серьезность происходящего на Волге.

– Нет ли здесь недооценки противника? Весной и летом нам дорого обошлась самоуверенность... некоторых командиров.

– Так точно. Но, в сложившейся ситуации, переоценка противника является ничуть не менее опасной. Лихой стиль ведения боевых действий, продемонстрированный немцами, на самом деле не от хорошей жизни. Он основан на том, что противника вынуждают делать ошибки, причем ошибки грубые, и это правильно. Недостаток в том, что все планы основываются на том, что ошибки непременно будут допущены. Если этого не происходит, чудеса кончаются. Поневоле приходится воевать правильно.

– Объясните.

– Это когда тот, кто сильнее, получает возможность поставить противника в безвыходное положение. А тот, кто слабее, неизбежно проигрывает. Правильно воевать – это рассчитывать на худший вариант, исходя из известного. На то, что враг не сделает ошибки. Но нельзя приписывать врагу всеведения и непогрешимости, и бояться появления войск там, где им взяться неоткуда. Иначе лучше забыть о проведении глубоких наступательных операций.

– И какой же худший вариант на вашем участке фронта?

– Помимо тех резервов, которые готовили заранее, немцы перебросят дополнительные. Остановят наступление ударом во фланг, примерно вот так, – он показал направление на карте, – прорвутся и вступят во встречный бой с пехотой общевойсковых армий. Растрепят пехоту, но мы максимально насытим части противотанковыми средствами, так что при этом и от их ударных моторизованных частей мало что останется. Часть наших войск будет окружена в лесах, но на плотное окружение сил у них не хватит. Потому что им будет не до того, чтобы добивать окруженцев. В это время с востока войска Западного фронта, скорее всего, все-таки захватят Вязьму. Отсечь практически всю группу армий «Центр» у нас не хватит сил. Мы просто не успеем в условиях заболоченного леса зимой. Нанесем удар в общем направлении на Смоленск, по сходящимся направлениям. Достижение полного успеха в виде захвата

Смоленска считаю вряд ли возможным. Это развитие событий на центральном участке фронта является наиболее вероятным, товарищ Верховный Главнокомандующий.

Восьмой день в заснеженных лесах, в которых громада танкового корпуса утонула, но не так, как тонут в море или в болоте, а так, как ребенок тонет в одежде, скроенной на великана, растворилась, как горстка соли в бочке воды. Бойцы иззябли, а уж устали так, как люди в мирное время не устают. Бойцы третьей роты генераторного батальона вроде бы и не воевали, им не приходилось стрелять, разве что кое-когда поначалу, сдуру, но устали они ничуть не меньше остальных. Каждую минуту, когда их не мотало на ухабах, безжалостно колотя о стылый металл, они рубили лес. Валили лесины, обрезали и обрубали сучья, разделявали стволы, – в общем, делали то же, что и в лагере, и ничуть не меньше, и ничуть не легче. Отличия начинались потом, когда лесины, сучья, кустарник, все вперемешку, загружали в барабан, который все это добро с глухим, каким-то подземным гулом переводил на щепу. Два, между прочим, кубометра. Как откроешь потом – так шибало древесным духом, который вздымался оттуда вместе с клубами мельчайшей пыли, что и не продохнуть, тошнило с непривычки. Потом это все нужно было перегрузить в ненасытную утробу генератора. Все два куба. Потом, пока зелье варится, нужно успеть заготовить следующие два кубометра дров и перевести их в щепу. Перелить горючку в цистерну, – но на это, слава богу, есть насос. Еще одно отличие, на которое человек без лагерного опыта не обратит внимания. Отличные мотопилы, которые заправлять той же горючкой. Не тупятся, не ломаются, не клинят. Даже звук особый, глухой, и непонятно, – как они это сделали? И руки греют. Без цифр, без марки, без названия, только клеймо несмываемым, нестираемым черным лаком, не то цепочка, не то два жгута переплетены между собой. Он знал, что это такое. Все фронтовики знали.

Прототип II: образца 35 года.

После испытаний Владимир Яковлевич оказался, что называется, «на коне», и на коне этом он совершенно явно для опытного глаза уезжал в счастливую жизнь, где пайки, транспорт и распределители с приставкой «спец», но его явно грызли какие-то сомнения, и поэтому он, уединившись с Саней, устроил ему «отвальную». Берович кушал исправно, но оказался непьющим, а вот конструктор, приняв на грудь больше, чем собирался поначалу, впал в тоску. Причины ее были, в общем, довольно далеки от сентиментальности.

– Эх, Саня, – говорил он, пригорюнившись, – избавился я, пока что, от срока, да вот только не знаю, надолго ли... По всему выходит – оттянул только свою законную отсидку. Ты меня понимаешь? Вроде как вот он, двигатель, – а на самом деле нет его, понимаешь? Обман один. – И, закручинившись вконец, добавил. – А сам я, выходит, жулик.

– Почему, дядя Володя?

– А потому, Саня, что его в серию запускать. А детали делать не на чем и некому. Не напаешься, если так вот, поштучно вылизывать.

Берович понимал, что конструктор черств и эгоистичен, что персона его интересуется инженера только постольку, поскольку тот дорожит своей шкурой, но и сам не испытывал к нему какой-то особой личной преданности. То, что он вот так раскис, напившись, корбило и, мягко говоря, не прибавляло уважения к государственному человеку. Поэтому, не обращая внимания на излияния собеседника, он спросил его о том, что интересовало лично его.

– Как вы говорили, наука эта называется? Которая про жар и про моторы?

– Термодинамика?

– Во-во, – он несколько раз повторил мудреное слово про себя, запоминая, – а то никак вспомнить не мог...

Он и вообще был большим охотником до мудреных, иностранных слов. В глазах конструктора промелькнул некий намек на любопытство.

– А к чему тебе?

– Так, – Саня пожал плечами, – интересно. У вас книжки про это нет, почитать?

– Да есть-то есть, только тут видишь, какая заковыка: я в понедельник уезжаю. Доделаю дела, оформлю, прослежу за погрузкой, документами, – и до свидания. Пора. Да и надоело, признаться. А подарить, – прости, брат, – не могу. С литературой в наше время...

Саня облизал враз пересохшие губы:

– Я успею... Я... я постараюсь успеть

Надо сказать, конструктор был весьма склонен к экспериментам. И к экспериментам вообще, и к экспериментам над живыми людьми в частности. В плане материала, понятное дело, был предпочтителен женский пол, но это не было обязательным условием. Поэтому он, вроде бы как с сомнением, протянул:

– Ну-у, разве что так...

Утром в понедельник, Саня, как и обещал, вернул ему устрашающей толщины том. Мало того, что материал был по определению объемным. Это было переводное издание с немецкого, написанное типичным немецким профессором с типично немецкой дотошностью в типичном немецком тяжеловесном стиле с предложениями бесконечной длины. Глядя в его красные с трехсуточного недосыпа глаза, конструктор поинтересовался:

– Ну? Понял что-нибудь?

– Понял, – охрипшим голосом ответил Берович и откашлялся, – только... А!

– Чего?

Ему и впрямь было любопытно, что именно понял в чудовищном тексте этот полуграмотный пацан за два с половиной дня и три ночи, – и получил соответственно:

– Там не все. Не хватает самого главного.

– Слушай, Саня, – неприятным голосом проговорил Макульский, – тебе никто не говорил, что ты есть страшный нахал, а? Наглость – это ничего, это даже неплохо. Вот только в этом случае это еще и выглядит смешно. Там половина текста сплошной математики, через которую мне приходится продираться, как через бурелом, а ты и понятия не можешь иметь, но судить берешься. Нет ничего смешнее и противнее недоучки, который берется критиковать спеца на основе своих куцых мыслишек. Вот вам говорят, что вы соль земли, и все вам по плечу, включая термодинамику за двое суток, и это, конечно, правда, – вот только не вся правда полностью.

– Он там повторяет десять раз одно и то же, поотдельности, хотя на самом деле это варианты одного и того же. Всей математики его я не понял, врать не буду, но во многих случаях она и вовсе ни к чему. Ни капли не помогает докопаться до сути и сделать какие-нибудь выводы. Я не о науке, я о том, что книга написана хреново. Бестолково и как это? В общем, если это учебник, то плохо годится для того, чтобы научить.

– Но ты-то – понял?

– Говорю же – не все. Математика эта дурацкая... запомнить – запомнил, а чтобы понять – так не. Не все.

– Ну тут уж, брат, ничего не поделаешь. Без математики нет термодинамики, математику самоучкой не освоить, а без нее двигатель не сделаешь.

Ну, как раз в том, что математику он при желании освоит, Берович особо не сомневался. Поняв на примере немцевой писанины, к чему она нужна, он понял заодно, что дело это не из самых сложных, не бог весть что, потому как легко и свободно ложится на Инструкцию. Куда более важной и интересной была прохладная мысль, возникшая непонятно откуда: а ведь молодое дарование из рабочего класса, да еще из самой, можно сказать, середки, этакий самородок – это, пожалуй, то, что нужно. И не важно, что фигура эта, можно сказать, мифическая.

Главное, что в миф этот верят. К тому же верить в него и модно, и полезно для здоровья. Под этим соусом можно пролезть ку-уда угодно.

Мысль была совершенно правильной. Непонятно и неправильно было то, что она у него появилась. Он был достаточно умен, чтобы понимать: чужая мысль, слишком молод для таких мыслей. Для них недостаточно никакого природного ума, нужен жизненный опыт при хорошем учителе этой жизни. А главное – для кого (или для чего) соус? Он ведь и на самом деле такой, верно ведь? Сам по себе, какой есть, никем другим не является и быть не может. Впрочем, себя обманывать не стоило. Всякие такие мысли начали появляться после того, как дядька передал ему Похоронку. Как раз перед тем, как за ним пришли. Похоронка была не столь уж велика и содержала само по себе Кое-Что, – и Инструкцию. Это было первое из мудреных слов, которыми он так увлекся впоследствии. Дядя строго-настрога наказал ему не лезть, и уж, тем более, никому не показывать и не рассказывать. Теперь, памятуя дядю, он ясно видел, что дядя-таки «не лазил». Иначе вел бы себя по-другому, сам был бы другим, да и, может быть, не сгинул бы так... нелепо? Покорно? Скорее всего вообще не сгинул бы.

Слава богу, что Кое-Что было совершенно невозможно достать, не прочитав Инструкцию. Иначе неизвестно, чем бы оно кончилось. Да, а в те поры он читать, мягко говоря, не любил, считая делом бесполезным и праздным, и читал чуть ли не по слогам, а вот, однако же, – полюбопытствовал. Не очень толстая пачка листов, исписанных от руки явно тремя-четырьмя разными людьми с разным почерком, да, кроме того, немножко отпечатанных на машинке, вкривь и вкось, с многочисленными помарками, забитыми то «х», то «ж». Следующий заголовок, после слова «Инструкции», с библейской простотой гласил: «Крипты» Георга Кантора. Неопубликованные лекции.»

Теперь-то Сане было понятно с чем был связан наследственный дядин запрет: не иначе, как чудом, можно объяснить, что полуграмотный Саня не выкинул скучные бумажки, не истратил их на сигарки или вовсе на подтирку. Также следовало ожидать, что следом он попробует расковырять диковинную коробку, а когда не получится, выкинет ее в выгребную яму. А если получится... А если б получилось, об этом даже не хотелось и думать, что по-настоящему могло бы произойти тогда, когда он, шестнадцатилетний дурак...

Ну не могли ни дядя, ни тот, чей наказ он унаследовал, ожидать, что кто-то вроде Сани не только сунет свой нос в старую бумагу, но и заинтересуется! Они дожидались лучших времен, когда в семье снова появится крепко образованный человек. Они не ведали, что творят, и потеряли, как минимум, лет двадцать пять дорогого времени. Да какого там «дорогого». Драгоценнейшего. Потому что, чтобы Похоронка сработала, на самом деле достаточно было решимости обучить парня грамоте, да, пожалуй, ремня – для начала. Остальное «инструкция» сделала бы сама. Слова «Крипт» на самом деле засасывали, как болото. Текст был устроен так, что многие куски понимались каждый раз по-новому, но при этом каждый раз правильно. А потом, накрепко отпечатавшись в голове, начали как-то расти, как-то умудряясь высасывать полезную для себя пищу из окружающей Саню невзрачной жизни. Все мысли были его, собственными, но при этом он узнавал: это оттуда, это не от прежней науки батьки, мамки, дядьки, старших братьев, фабричной школы и всех незыблемых, несмотря на все революции, обстоятельств рабочей слободы. Пока еще различал, понимая смутно, что придет пора, может быть, не так уж скоро, когда различия не будет, когда два таких разных по природе куска его природы сольются в единое целое, так, что и швов будет не сыскать. Но пока было... интересно, необычно выслушивать вроде бы как подсказки – но только от самого себя. Ладно, теперь он узнал о термодинамике, понял, о чем это, ладно, убедился, даже признал, со скрипом и нехотя, что положенная к ней математика все-таки нужна, полезна для *дела*, хотя и не так, и не тем способом, как думают некоторые. Возникла у него тогда, в самом начале, нужда в химии – освоил, что нужно, и есть у него теперь в голове химия по-своему. Надо будет, будет математика по-своему... Только вот по его, Саняному разумению, вовсе не следует вычислять все,

что *и так видно*. При этом он вовсе не задумывался о том, что видно-то может быть – только ему. А далеко не всем. Следствием того, первого воспитания, во многом оставшегося родоплеменным по сути, было то, что ему и в голову не приходило придавать своей персоне какое-то особое значение. Неотъемлемая черта истинного варвара, того, кто строит цивилизации, но не является их продуктом.

De profundis

Нельзя сказать, чтобы это напрямую относилось к Инструкции. Так, обычный совет. Закрывать глаза, пока не войдет в привычку. Тогда – да, кладешь руки на Коробку, закрываешь глаза, и начинаешь видеть. Не так видеть, как помнишь какую-нибудь вещь, а так, как будто ее кто-то нарисовал. Вроде бы и сам, но не вполне: картинка вовсе не всегда менялась так, как ему хотелось, проявляла норы, упрячилась. Чем сильнее Саня пытался переупрямить ее, расположить не так, а этак, разглядеть не с этого боку, а с другого, тем хуже выходило. Он открывал глаза оттого, что скулы начинало нестерпимо ломить от напряжения, и тут же все пропадало, и он снова видел свои руки, лежащие на диковинной коробке с Кое-Чем. В пору было плюнуть, но игра затягивала, и он снова брал в руки проклятую штуковину, закрывал глаза и вспоминал Инструкцию.

Чуть-чуть, только самую малость попривыкнув, обратил внимание, что и руки свои чувствует как-то чудно. Как будто провалились неизвестно-куда, не в силах нащупать ничего привычного, да к тому же стали не то безмерно длинными, не то, наоборот, исчезающе малыми. И только из-за окончательной мизерности вещей, к которым он пробует их протянуть, кажутся такими громоздкими и неуклюжими.

Такими неуклюжими, что все ломали и рушили при самом осторожном движении. И вздымали невесомой пылью, если движение было не таким осторожным. Так что он пока, от греха, старался не шевелить ими вообще, – и ничего страшного, потому что, повиснув неведомо – где, они и не затекали, и не уставали вовсе. Не с чего было.

Первый, самый малый сдвиг пришел, – а он заметил, запомнил, и примотал обстоятельства этого момента туго-натуго к стержню «крипт», – когда он, со злости, решил не напрягаться. Смотреть, куда глаза глядят, и довольствоваться теми картинками, которые при этом получают. Не гнуть, как медведь – дугу, а запоминать, как что ложится при каком повороте и из какого начального положения.

Примерно на третий день он нашел себе такой отступ, на котором застрял долго. Только глядя, и при этом ничего не делая. Вот если в этом месте бесконечного ряда, то штучки были все одинаковые, как пуговицы, маленькие, неподвижные и скучные, потому что менялись редко и одинаково. На один, край – на два, манера. А вот если взять чуть в сторону и, – поближе, что ли? – картина менялась. Тут детальки были куда как разнообразнее и интереснее. На разный манер выворачивались наизнанку. Соединялись в цепочки. Смыкались в колечки. Получалось даже так, что «сцеплялись», как звенья цепочки, пара таких колечек. Одинаковых или разных. Собирались в прихотливую паутину, или даже строились в «башни» или «корзинки», – было не совсем похоже, но других сравнений у Сани тогда не было.

А еще они портились. Ломались, или как-то «пачкались» превращаясь во что-то совсем другое. Тогда, помнится, впервые промелькнула у него смутная мысль, что мусор, – это просто-напросто то, чего ты не ждешь в настоящий момент. Это как к обеду, – да полено вместо ложки. А вещь, ненужная СОВСЕМ, вообще не может испортиться. Он даже на время вернулся в начало, к простеньким деталькам, чтобы глянуть на них по-другому, и с доселе неиспытанным восторгом убедился, что УГАДАЛ: некоторые из «простеньких» тоже отлично умели строиться в ажурные «башенки». Глаз привык, и теперь без ошибки видел, какие из них пожестче, а какие... не мягче даже, а как-то посвободнее. Но даже и тут кое-где одинаковые детальки можно было сцепить на разный манер. Хотя и не всегда. Позже, когда ему пришлось учить геометрию, она очень легко и плотно легла на те впечатления от самых первых дней общения с Похоронкой. Легла, добавив к инструкции самую малость: в основном по части того, как все это – облечь в слова, чтобы было понятно другим. Правда, учителя с ума сходили от своеобразия его трактовок, но потом – ничего. Привыкли.

Одним из главных правил было то, что не все встречалось одинаково часто. Что-то – бросалось в глаза, а что-то – приходилось высматривать. Что-то происходило постоянно, а чего-то приходилось ждать довольно долго. Глаз тут было явно недостаточно. И наступил момент, – столь же памятный, дающий такой же глубокий отпечаток, – когда к делу подключились руки. Здесь они давали возможность сделать редкое – частым, а почти невозможное – вполне возможным.

А еще – стало куда легче играть «отступом», делать картинки ближе или дальше, по желанию, хоть и было это вовсе непросто. После таких занятий руки у него ломит так, как будто он в одиночку разгрузил вагон с цементом, и Саня этому вовсе не удивлялся.

Если приближать, – то правильная, четкая «деталька», становясь на взгляд крупнее, одновременно «расплывалась», теряя четкость очертаний, так что разглядеть большие детали все равно не удавалось. И он не одним умом даже, а всем телом осознал, что тут ничего сделать не удастся. Если удалять, то рано или поздно он находил себя парящим над бескрайней горной страной с чудовищными пиками и бездонными провалами, да еще и смутной, будто дрожащей от непрекращающегося землетрясения. При этом из мира бесследно исчезала правильность и одинаковость, он неузнаваемо и радикально менялся.

Ни то, ни другое ничего не давало пока что ни уму, ни сердцу, и он довольно надолго застрял в приверженности к «золотой середине». Равно как и на этапе «Глаза и Руки» вообще, потому что невероятных трудов требовало от него добиться, чтобы то и другое действовало одновременно и в согласии. Поначалу он постоянно ослаблял контроль либо над тем, либо над другим, – и все тут же разваливалось и шло прахом. Тот, кто в сравнительно зрелом возрасте осваивал вождение автомобиля либо, того хлеще, пилотаж небольшого летательного аппарата, поймут суть этих трудностей. Трудности, которые в возрасте нежном испытывают практически все, осваивая высокое искусство ползания либо пешего хождения, по своей природе и еще ближе, вот только вспомнить их куда сложнее.

В это время, в промежутках, он размышлял порой: как бы могло проявить себя «подключение» ног, – примерно так же и в той очередности, в которой это происходит у нормального, здорового младенца, но так ничего и не надумал. Это тоже получилось само собой, и еще более неожиданно, чем прежние его достижения. Он опять расслабился, забыв о необходимости жутких трудов по координации глаз с руками, – да и отошел от Золотой Середины так далеко, как никогда не отходил раньше. Младенец, научившись уверенно доставать до погремушки ручкой, впервые пополз.

...Это была шляпка гвоздя, вбитого в топчан, на котором пребывало его брненное тело. Он во всех подробностях разглядел его в темноте с закрытыми глазами и отлично узнал. Так он неожиданно для себя выяснил, что на протяжении вот уже почти двух месяцев разглядывал, как, на самом деле, устроена шляпка гвоздя. Не она одна, понятно, а еще многое, многое другое, – узнать бы еще, – что именно. Так появилась первая связь между «маленьким миром» и тем, в котором он жил уже шестнадцатый год.

Поначалу девчонки на заводе «косичку» рисовали просто мелом, украдкой и в укромных местах. Говорят, от Зойки Ерохиной пошло, но кто ж теперь скажет точно, так оно или не так? Кое-когда еще и письма на фронт запрятывали в укромных местах, письма были глупые, как новорожденные телки, но прятались с умом, чтобы, не дай бог, не помешали работе изделия. Наскоро нарисованную «косичку» довольно скоро заметили на фронте, – поскольку она действительно говорила о многом! – и стали обращать внимание на это обстоятельство. Изделия 63-го можно было отличить и так, но утверждать было нельзя: вдруг и остальные научились? Так что наличие «косички» в боевых частях начали отслеживать. Более того, – искали с азартом, устраивали что-то вроде соревнований по поискам, а найдя, звали к себе товарищей жестом, а потом молча тыкали пальцем, многозначительно улыбаясь: действительно полу-

чили Вещь! Как положено, таинственные картинки послужили поводом для множества баек, в том числе и чудовищно причудливых, и достаточно чудовищных. Но вот байки во время войны, на фронте, получив широкое распространение могут оказаться делом довольно серьезным. Во всяком случае, не могут не вызвать надлежащей реакции соответствующих органов. На то, что представляется сущей ерундой, может последовать достаточно жестокая реакция. Ключевое слово здесь, как ни странно, это самое «представляется». На самом деле ни одно масштабное явление не имеет и не может иметь ничтожной причины. Реакция была, можно сказать, бережная: запретить! Глупая, бесполезная блажь, которая, тем не менее, порождает кривотолки, должна быть запрещена.

...Из этого не вышло ровным счетом ничего. Хуже того, – если до официального запрещения «косичка» на готовых изделиях безукоризненного качества появлялась все-таки постольку-поскольку, то после него ее появление рисунка стало правилом без исключения. Какой там мел! Кое-когда – так и боразоновый лак по трафарету! Который не вот счистишь и алмазным абразивом. Начали следить, – а он появлялся, начали удалять, – а он появлялся во второй, в третий раз, запрятанный все изошренней. Одно время появилась тенденция делать клеймо все меньше и меньше, но длилось это недолго, поскольку, судя по всему, лишало затею смысла, потому что смыслом было: чтоб явственно видели! Без сомнений, не уворованное, свое, имеем право. На поиски и удаление начало тратиться заметное время. Военпреды, которым надо было срочно, сверхсрочно отправлять машины, начали посылать особистов на хрен, особисты – давили на военпредов. Поставили на это дело работников, но они явно саботировали, а в ответ на любые попытки надавить «включали дурака», надевая на физиономию выражение беспросветной сонной тупости. Кое-кого ловили, наказывали, но очень редко. Берович напрямую обратился к начальнику особого отдела, но тот развел руками:

– Сам понимаю, что хреновиной занимаемся, только и вы меня поймите: приказа-то этого – никто не отменял.

В ход была пущена тяжелая артиллерия, можно сказать, – РГК, Карина Сергеевна собственной персоной, но Берович вдруг с ужасом увидел, как покачнулись устои мира. Небо свернулось, как коврик для молитв, Земля потряслась до Ада и разверзлась, море вышло из берегов, а скалы отправились прогуляться: Карина не изъявила в ответ на обращение ни малейшего энтузиазма и взялась за дело без старания. Берович был настолько потрясен, что решил принять самые экстренные и по-настоящему экстраординарные меры. Он давно так не рисковал. Да что там – давно. Никогда в жизни. Достаточно сказать, что на очередную встречу с Вождем он отправился с маленьким подарком. В прямом смысле маленьким. *Очень*. И, выбрав удобный момент, положил его на стол.

– Вот, товарищ Сталин. Нам, наконец, удалось выполнить ваше пожелание...

– Что это, – Верховный Главнокомандующий скосился на крохотную детальку, как на гнусное насекомое, – какое пожелание? Что за ерунду вы мне тут порете?

– Как же? Вы говорили про рации, что тяжелые и плохие, и тех не хватает, потому что дорого...

Разговор такой – был, это факт, вождь вспомнил, как мельком высказал что-то такое.

– Ну, а это что?

– А это, – Саня достал и положил рядом с невзрачной деталькой о трех проволочных ногах довольно солидную электронную лампу с таинственной и сложной начинкой, – прибор, который заменяет вот эту, например, лампу. Понятно, во сколько раз можно уменьшить размер той же рации. Или, к примеру, – радара. Мы довольно скоро сможем устанавливать на самолетах радары лучше, чем самые лучшие из нынешних стационарных установок. И несравненно лучше, чем у немцев и у союзников.

Лампа – радовала взор и вызывала невольное уважение свое очевидной причудливой сложностью, явно намекавшей на чудеса науки, выглядела неизмеримо солиднее, нежели какая-то там штучка, похожая на придурковатую пуговицу. Но в данном случае он решил не поддаваться чувствам и только спросил:

– Неужели, товарищ Берович, заменяет совсем?

– Откровенно говоря, – не вполне, товарищ Сталин. У лампы характеристики лучше. Но вот она в сто раз больше по объему, и в пятьдесят раз тяжелее. А если ее, одну, заменить четырьмя-пятью такими приборами, надлежаще их соединив, то уже они обеспечат лучшее качество. Кроме того, это изделие не бьется и не выскакивает из гнезда. Оно неизмеримо надежнее, требует в десятки раз меньше электричества и позволяет дублировать каждый контур, а прибор все равно будет меньше и легче, чем на лампах.

Сталин молчал, наклонив голову несколько вбок, а потом медленно сказал:

– Интересно. Только вы не тарапитесь. Проведите тщательные сравнительные испытания.

А вот так подставляться не следует. Даже если ты Вождь и Учитель. Что-то, а запустить полномасштабную серию под соусом испытаний Саня умел. Уж этому-то он научился! Если и был в чем профессионалом, так в этом. Он вздохнул, набираясь смелости, и, наконец, приступил.

– Товарищ Сталин, я ведь здесь не только от себя. Я здесь как представитель коллектива.

– В чем еще дело?

– Коллектив просит утвердить за ним право на особое клеймо для выпускаемой продукции. – Саня развел руками. – Людям нужны такие вот игрушки. Полку – знамя, а мастерам – клеймо.

– Боевое знамя, – Сталин уперся ему в лицо тяжелым взглядом, – не игрушка. Передайте коллективу, – от моего имени, – что особое клеймо – большая честь, но и большая ответственность. Кстати – а почему именно «косичка»?

Если ему и удалось удивить Беровича, то, разве что, на какое-то мгновение. Было бы куда удивительнее, если бы вождь, так внимательно наблюдавший за комбинатом, ничего не знал бы об этом казусе. Так что он только чуть-чуть обозначил удивление, чтобы доставить собеседнику маленькое, невинное удовольствие.

– Я наводил справки, товарищ Сталин. Оказалось, – древний, еще языческий обычай, связанный с особым значением косы. Ее отрезали, выходя замуж, в первую брачную ночь. Положить отрезанную косу в могилу жениха или мужа значило обязательство не нарушать девства или, соответственно, вдовства. Отдать отрезанную косу жениху, уходящему в поход значило обещание ждать вопреки всему, до конца. Что-то в этом роде. Женский коллектив, сами понимаете.

– Знаете, что? Ми не будем разрешать. Ми просто перестанем искать и с пристрастием пресекать. Пусть думают, что это – по их воле, на свой страх и риск, от души, а не по приказу.

– Мне кажется, за качество можно будет больше не опасаться. Хотя... У нас и так с халтурщиками расправляются по-свойски. А потом, понятное дело, никто ничего не видел и не слышал.

«Косичка» здесь была и на грузовиках, и на «мельнице», и на цистернах. И уж, тем более, на самих генераторах. Ее не было на молчаливых, тощих работагах из ЗГС, появлявшихся и исчезающих, как призраки, на позициях готовящихся к рывку частей, но казалось, что «косичка» намертво отпечатана у них прямо на лбу. Они-то и установили на технике генераторных частей пулеметы, уже потом, когда оборона была прорвана и части ушли в глубокий прорыв. Как всегда, появились ниоткуда, и пропали почти без следа. «Почти» – потому что один работник находился при установках постоянно и с самого начала. Обслуживать таинственную начинку генераторов, брать пробы горючки, вытаскивать блоки, заменять на восста-

новленные, ставить на восстановление, менять фильтры, когда надо, не раньше, но и не позже, – это было, конечно, делом для настоящего специалиста, а не для вчерашних зэ-ка с незаконченным средним в лучшем случае. Специалист представлял собой малорослое, тщедушное существо, по самые глаза упакованное в ватные штаны, треух, клетчатый шарф, серые валенки непонятного размера и собственно ватник, доходивший существу до колен. Им всем было ни до чего все время формирования и подготовки, тем более потом, в ходе самой компании, но, тем не менее, к концу первых же суток знакомства даже до самых непонятливых дошло: специалист некоторым образом относится к женскому полу и пребывал в довольно-таки нежном возрасте. Валечка, как, не сговариваясь, назвали специалистку, оказалась на диво деловитой, серьезной, абсолютно добросовестной, исправной по части выполнения возложенных на нее обязанностей, но совершенно писклявый голос портил, – или исправлял? – впечатление: во всяком случае, топора и пилы ей в руки не давали категорически, даже тогда, когда «на щепу» становились все, в том числе товарищ Трофимов, который из СМЕРШ-а, и подчиненные ему автоматчики в числе пяти человек.

Если с самого начала взять с собой полные баки солярки и горючку по норме, то генераторная рота* увеличивала автономность полнокровной танковой бригады по горючему раза в полтора, – это если марш почти без остановок и бои, а боле ничего. Если случались остановки, оборона, закрепление плацдарма, то тогда и говорить нечего: успевали пополнить запас почти до полного без поставок из тыла. Как это бывает и всегда с появлением нового средства борьбы, тем более – такого серьезного, тут же начали появляться такие способы применения новой техники, которые и в голову не приходили создателям. Очень-очень быстро могучие транспортеры с двухсотпятидесяти сильным дизелем в рейдах оказывались буквально обвешаны десантом, располагавшимся и на генераторах, и поверх цистерн, и на выпуклых крышках «мельниц», глухо гудевших на ходу. Генераторными частями насыщали передовые танковые группы, уходившие далеко вперед от основных сил, снабжаемых по преимуществу традиционным способом. После ряда очень неприятных инцидентов первых двух суток наступления на технике генераторных рот спешно начали устанавливать пулеметы, включая тяжелые. Последующий опыт показал, что это, помимо прочего, существенно повысило боевые возможности подвижных групп во встречных боях, когда они, размозжив в кровавые брызги передовое охранение, как волки, налетали вдруг на идущие маршем колонны немцев.

Капитан Иванов, кадровый командир, в армии с 39-го, до войны командовавший авторотой, улучив момент, сказал тихо, но твердо:

– Будет кто силком лезть, – расстреляю. Распалитесь, помнете, а то еще придушите сдуру, если начнет дергаться! Другой не дадут, а нам без нее делать нечего...

И товарищ Трофимов, который из СМЕРШ-а, тоже очень серьезно предупредил личный состав, пояснив, что специалист – не просто так, а секретный. Поэтому оберегать, а также контролировать его, как носителя секретной информации, равно как и ликвидировать при возникновении опасности попадания в плен, входит в его, Трофимова, прямые служебные обязанности.

Федька Чика, он же Чикмарев Федор Иванович, 1921 года рождения, до войны работал конюхом в колхозе, и сел в 39-м за хищение колхозного имущества, но имел явные задатки незаурядного юриста и казуистический склад ума. Было сказано про «силком». А вот насчет договорится по-хорошему никто ничего не говорил! Поэтому он улучил-таки подходящий момент в укромном месте и приступил к переговорам, слегка, чисто символически и вроде как в шутку притиснув ее у сосенки. Надо сказать, что при том количестве одежек, в которые она была упакована, это было не таким уж очевидным и технически простым мероприятием. Протеста не последовало, и он увлек ее на маскировочный чехол, брошенный поверх лапника. До того, что заменяло специалисту бюст, достать оказалось практически нереально, и поэтому он, взволнованно дыша, залез рукой к ней в штаны. Удивительно неудобно изогнувшись, рука

эта нащупала мокренькую щелочку, плоскую, простенькую, без всяких архитектурных излишеств и окруженную довольно-таки скудной растительностью. Соблазняемая – ничего, только дрожала мелкой дрожью и дышала, чуть посвистывая носом, чаще обычного, а Чика вдруг со смущением почувствовал, что не слишком-то представляет, как будет развиваться дальнейшее. Чтобы как-то заполнить неловкую паузу в боевых действиях, он шепотом спросил:

– Хочешь?

– Хочу, – едва слышно пропищало на ухо, – только страшно. И знаешь, – голос ее был полон неподдельного отчаяния, – я ж немытая больше недели! Так что давай как-нибудь потом...

Вот так, порой, не начавшись, умирает любовь. «Потом» в данных условиях означало, примерно, то же, что и «при коммунизме», поскольку шансов уцелеть у них практически не было. А если бы и уцелели, то, по окончании операции, жизнь и война неизбежно должны были раскидать их в разные стороны. Но чудеса все-таки бывают, а «порой» не значит «всегда». Когда, спустя два месяца, часть отводили на переформирование, во время неизбежной неразберихи, они-таки выкроили время, и она, – без обману! – дала ему первому. Правда, на радостях, что осталась жива, не ему одному, но ему все-таки первому. Он и вообще был у нее первым мужчиной, потому что там, где она была прежде, мужчин хватало далеко-о не на всех. Интересно, что в этом современном аналоге женского монастыря даже онанизм был распространен далеко не так широко, как можно было бы ожидать. И нельзя сказать, чтобы новое занятие оказалось для нее таким уж приятным, ощущения были скорее необычными, нежели сладостными, но чувствовать, что все кругом хотят от тебя *этого*, было та-ак интересно! Так волновало!

Справедливости ради надо сказать, что ее мужчины и сами не говорили о ней дурно, и другим не давали, поскольку видели ее и за работой, и под пулями, а оттого знали ей истинную цену, понимали, насколько существенна была причина, по которой она дала себе волю, и признавали за ней право вести себя так, как ей захочется. Свой брат, заслужила.

* Генераторная рота, по штату 42 года, включала четыре генератора, шесть автоцистерн, четыре «мельницы», три крытых грузовика. Соответственно, двадцать два сменных водителя, одного техника-наладчика генераторной установки, шесть человек охраны из личного состава контрразведки, включая командира, и пятьдесят шесть рабочих. Как правило – из числа «специалистов» по лесоповалу двое совмещали обязанности санинструкторов, двое – кашеваров.

Прототип III: образца 36 года.

Конструктор, получив опытное производство на новеньком с иголки, только что построенном заводе, как водится, невообразимо бестолковым, очень быстро почувствовал себя инвалидом. Как будто у него, дотолде вполне здорового, отпилили руку или ногу, а он, забываясь, продолжает рассчитывать на них, забыв, что теперь ловкие и эффективные движения не для него, и что это, скорее всего, навсегда. Что его удел отныне – *медленно и неуклюже*. Все указания шли через множество ненужных передаточных звеньев, каждое из которых замедляло сроки и хоть малость, но искажало, так что на выходе получалось и вовсе печально. Выходом было за всем следить самому, но это явно превосходило любые человеческие силы. Ему совершенно очевидно не хватало Сани Беровича, но признаться в этом он не мог бы даже самому себе. Только спустя несколько мучительных недель гибкое и изворотливое человеческое подсознание, наконец, подсказало ему выход. Привычка. Ну конечно. Ба, да как же это он раньше не подумал! Он просто-напросто привык к особенностям одного удобного порученца, можно сказать – посыльного «за все», но, по преимуществу, по части деталей. Поэтому он без тени сомнений вытребовал Беровича к себе. Было это не так уж очевидно, и не так просто,

как хотелось бы, и начальство вовсе не жаждало Саню куда-то там отдавать. Скорее всего – с концами. Владимир Яковлевич почти в совершенстве постиг нелегкое и опасное искусство шантажировать начальство, и в конце концов добился-таки нужной меры взаимопонимания. И директор, который и тянул, и вольтанил, и «включал дурака», и пускался на рискованные трюки, был, в конце концов, поставлен перед ультиматумом, причем ему напомнили о революционной трудовой дисциплине и о том, что бывает с ее нарушителями. Сломавшись, директор немедленно начал убеждать себя, что так оно, в конце концов, и правильно. Понятное дело – убедил. Для него, для масштабов завода, отдельно взятый Саня Берович был, в конце концов, не так уж значим.

– Ты, Валентин Трофимович, меня не убеждай, не надо. Тут ни тебя не спросили, ни меня. Приказали, – и баста! Да и то сказать: парень как специально под опытное производство заточен... Может, человеком станет, а у тебя слесаря его водку пить научат, а более – ничего.

– Не пьет он.

– Тем более, – с характерной логичностью ответил директор, – не уживется, значит, с коллективом...

Попав на новое место и поселившись в общежитии, Саня, наученный горьким опытом, перестал высовываться с новыми материалами, делал, что скажут и, вроде бы, из чего скажут, а на то, что детали его работы почти не изнашиваются и *никогда* не ломаются, внимания, понятное дело, никто не обращал. Оставалось проследить, чтобы в соединении были только эти детали. С другими материалами он занимался сам, в свободное от работы время. Делал, смотрел, как греется, как расширяется при этом, как проводит тепло, и потихоньку прикидывал, каким образом это могло бы работать в том же двигателе. Получалось не очень. Начал прикидывать, что будет, если охладить, но и тем более запутался. Времени между тем и вообще перестало хватать, так что собственные экзерсисы он бросил. Нечто при этом отложилось, не без того, при этом, как у него бывало всегда, отложилось прочно, но в те поры не показалось ему чем-то важным.

Дело в том, что любая махинация, даже предпринятая бескорыстно и с самыми благими целями, отчасти напоминает наркотик: чем больше врешь, тем больше вранья требуется для того, чтобы прикрыть возросший объем вранья. В данном случае основой всего был тот непреложный факт, что для роскошного двигателя Владимира Яковлевича годились только те детали, которые по-своему, кустарно делал Саня. Остальные не годились никак, и то, что требовалось, в нужном количестве не мог сделать никто. Поэтому, пока шли варианты, Берович поспевал. Когда шла опытная партия «на слом», еще успевал кое-как. Когда пошла предсерийная партия, Саня то, что называется, «зашился». Разумеется, ему и в голову не пришло пожаловаться, что работы невпроворот: не то воспитание и не тот замес. Просто начал ночевать в цеху, отменил ночной сон, и однажды, когда глаза его ясно видели только впереди, а по бокам виделась завлекательная, радужная чушь, когда в ушах мерно плескалось море, которое он видел раз в жизни, а мысли, начавшись с самого простого *дела* норовили незаметно улететь в какие-то надоблачные дали, он чуть не угодил в приводные ремни древних станков единственного старого цеха, что оставался в новом заводе. Еле успели оттащить. Угодив в чьи-то руки, организм Сани сам по себе снял с него всякую ответственность и мягко обвис в этих руках, и не реагировал, как его ни трясли. Проснуться он смог не вот, а только часа через полтора, и то не сразу, а в несколько приемов, просыпаясь от криков знакомого ему голоса, успевая удивиться, сделать пару-тройку спасительных выводов и заснуть снова.

– Саня! Саня! Ты поднимайся давай, некогда спать... – У-у-у-у. – Ах, ты, гос-споди, да что же это...

Владимир Яковлевич буквально готов был плакать, потому что мерзавец Саня бессовестно спал, а без него как раз сегодня, – на самом деле каждый день, но об этом конструктор привычно не задумывался, – было никак нельзя. Грубо выдранный из мертвого, как от дур-

мана, сна, Берович не вот еще начал соображать, где он, кто он, что вокруг, и на каком он свете. Достоверно только, что именно в тот момент, в один из просоночных эпизодов, ему в голову пришла Великая Организационная Идея, имевшая самые, что ни на есть, серьезные и важные последствия. Если точнее, то идей было аж целых две. Во-первых, ему пришло в голову, что, когда человек не справляется один, ему может очень пригодиться подручный для дел не самых сложных, но требующих времени. Оригинально, не правда ли? Второй компонент идеи был куда как более революционным по сути и последствиям:

– Слышь, Владимир Яковлевич, – спросил он голосом, еще невнятным и сиплым со сна, – у тебя на примете какой-нибудь аккуратной девушки нет?

Конструктор, которому идея с подручным тоже как-то не приходила в голову, был настолько ошеломлен диким вопросом, что выпучился на Саню, как на привидение и отреагировал вполне здраво:

– Чев-во?!!

– Девушки, говорю, нет на примете? Аккуратистки. Такой, знаешь, у которой в тетрадке ни единой помарочки, почерк красивый и одни пятерки? Учебники обернуты, и на столе порядок не от мира сего?

Дело в том, что кандидатура, идеально соответствующая этим строгим требованиям, у него, как ни странно, была. Другое дело, что он искренне не понимал, о чем идет речь и сомневался, не бредит ли Саня просонок.

– Зачем тебе?

– Отмерить. Взвесить. Смешать. Заложить. Проверить. При этом не ошибиться и не понебрежничать. Пока я другими делами занимаюсь. Понимаете, тут ума не надо, а у меня на эти все дела большая часть времени уходит.

Это... меняло дело. Более того, на самом деле решало даже не одну, а сразу несколько проблем. К Владимиру Яковлевичу явилась младшая сестра, школьная учительница, мужа которой, толстовца с идеями аж дореволюционной закваски, забрали с концами, а из дому – выгнали. Нельзя сказать, чтобы он был так уж счастлив этим обстоятельством, а уж о жене даже и говорить не хочется, но в те времена родством еще считались. Вот у сестры была дочка пятнадцати лет, как раз то, что надо. Тихая до бесшумности аккуратистка и чистюля, круглая отличница сразу после восьмилетки. Вот и пристроим заодно, чай не медаль, чтобы на шее-то висеть. Заодно – биография рабочая будет, не подкопаешься.

Результаты от привлечения к делу Карины превзошли все ожидания. Те рутинные операции, требовавшие, тем не менее, предельной точности и педантизма, и которые отнимали у него больше всего времени, она выполняла попросту лучше него. Меньше делала ошибок. А еще она очень многое делала гораздо, гораздо быстрее. В итоге такого разделения труда они теперь успевали сделать не в два, не в три, а как бы ни в четыре раза больше, и со временем этот показатель только рос. Он – придумывал и ладил оснастку под все большие разовые закладки, потихоньку увеличивал количество емкостей, размножал Кое-Что, исходя из многократно возросших потребностей, составлял рецептуры, – и мог больше ни о чем не беспокоиться. Некоторое время он размышлял на тему: не залезть ли ей под юбку? Но, по зрелом размышлении, решил воздержаться, поскольку девка весьма устраивала его как напарник, для *дела*, но была непонятной, не похожей на слободских, насквозь изученных, так что Саня не знал, чего ждать в ответ на его посягательства. Впоследствии такого рода расчетливость, умение не делать глупостей из пустого каприза, стало одним из основных его качеств, выделившим его из многих и многих. Кроме того, она не шибко ему понравилась, как девка. Худосочные малолетки были не в его вкусе, а в те времена, на дешевых харчах, да впроголодь, девушки созревали куда позже, чем в иные эпохи. Поэтому держал себя Саня с Кариной до крайности сдержано, даже сурово, а в разговорах с ней был предельно немногословен и говорил только по делу. Тут они сошлись, поскольку Карина Сергеевна, мягко говоря, тоже не была болтушкой

Сам того не замечая, он вел себя с подручной так же, как конструктор вел себя с ним, то есть как с вещью, но с некоторым различием: он отдавал ей должное, понимая, что полноценную замену *этой* оборудованию сыскать будет не так уж просто.

Предсерийная партия двигателей прошла эксплуатационные испытания, получив самую лестную оценку пилотов и техников на аэродромах. При этом тот факт, что моторы эти не ломались, по сути, *никогда*, опять-таки не заметил никто. В том же ряду психологических явлений лежит и тот факт, что, когда в ходе испытаний случайно избранных моторов партии на предельную длительность штатной работы ресурса определить так и не удалось, его нарисовали с потолка, записав в паспорт цифру в высшей степени достойную, но все-таки вероятную. А вовсе не то, что получилось на самом деле, когда испытания «при нормальной эксплуатации на максимальном режиме» пришлось остановить, поскольку был израсходован весь лимит горючего, отведенного на испытания: с поразительной простотой нравов выставили именно то время, за которое выработали горючее. К этому времени на Саню работали уже три девочки: одна – бывшая одноклассница Карины, Аня, другая из параллельного класса, и звали ее Катя. В результате такого, достаточно радикального расширения коллектива, у Сани возникла неприятная по его складу и ненужная проблема: как быстро обучить хороших, старательных, аккуратных, но совершенно не умеющих ничего девчонок? В те времена из Александра Ивановича был еще *тот* педагог: к тому, что он вовсе не понимал, какие именно трудности могут возникнуть у обучаемого, добавлялся еще и возраст, – ну не способен серьезный, ответственный двадцатилетний человек поучать тех, кто на два-три года моложе! Для этого нужна изрядная доля цинизма, а этого пока не было и в помине. Просто неоткуда взять. Потом он, понятно, научился учить, но это произошло много позднее, когда он осознал, что любая учеба тоже есть следование Инструкции, и если человеку, особенно нестарому, дать нужный кусочек ее, то дольше может пойти само собой.

Пока же он, не зная, как справиться с затруднениями, напряженно мыслил, и однажды спросонок у него промелькнул, вроде бы, намек на решение. В памяти его всплыл некий образ времен незабываемой поездки с отцом в Николаев. Он, как мог, объяснил руководству, какого рода специалист нужен ему позарез. Там смутились и даже усомнились, но Родине были нужны моторы, и, отметив где надо, идеологически неправильный запрос, извлекли из поселения в Южном Казахстане то, что требовалось. Яков Израилевич Саблер как раз и был тем потомственным, в четвертом поколении провизором, который был нужен Сане. С приходом этого улыбочивого старичка проблемы с обучением закладчиц ушли навсегда. Наряду со многими, многими другими. Безднадежный скептик, Яков Израилевич довольно быстро округлился после ссылки и, одновременно с этим, вполне восстановил столь присущее ему бесцеремонное благодушие манер.

Тем временем, Владимир Яковлевич, попав в элиту советских двигателистов (тогда было принято говорить попросту «в обойму» – довольно многозначительный термин, не так ли?), обладал теперь куда большими правами и перестал заморачиваться формальными ограничениями. Опытное производство исподволь стало «Опытно-Поточным» (в просторечии «опытно-поточным»), что бы ни значило это загадочное название. Берович стандартизировал производство теперь уже оснастки своей выдумки, убедил начальство раскассировать по другим производствам ставшие ненужными станки, пронумеровал и упорядочил рецептуры, а номенклатуру довел до полной. Когда перестало хватать электричества, просто сделал новый генератор, очень хороший, потому что на сердечники пошло не простое железо. Припомнив прошлые штудии и уточнив в новых занятиях с Кое-Чем, он узнал, какое именно. И, в общем, не ошибся. И еще – подходящее генератору горючее из деревянного «швырка», которого на стройке хватало.

De profundis

Следующим и, пожалуй, последним этапом его своеобразного младенчества стало освоение инструментов.

Так, замечалось однажды, что некоторые действия даются куда легче, если их совершать не просто рукой и глазами, а при некоем постороннем посредстве. Он – находил всякого рода «палочки», «жгуты» и даже, – пару раз, – «клещи», при наличии которых нахождение иных комбинаций становилось куда более вероятным, чем без них.

Инструмент, – это когда конечный продукт оказывается легче получить, грубо говоря, в два этапа: сначала сделать инструмент, и уже только потом то, что тебе нужно на самом деле. А напрямик – слишком тяжело или вовсе никак.

Тут следует заметить, что жил Саня по-прежнему в рабочей слободе. Общество тут было своеобразное, с большим налетом патриархальности и всякого рода странности поведения не одобрялись. Мягко говоря. Да что там – «странности». Общество не поощряло никаких отличий от прочих, никакого нарушения неписаных традиций и умело ставило всякого рода выскочек и отступников на место. Традиционно не поощрялось чтение, – чтоб глаза не испортить. Особенно нетерпимым считалось, когда молодые начинают «умничать». Уж это старшие пресекали железной рукой и выжигали каленым железом. Так что, если бы Санины итудии были замечены, их бы тоже немедленно пресекли. Самым решительным образом. Но он стал хитрым. Игры свои с Похоронкой скрывал хитроумно и АБСОЛЮТНО последовательно, ничего не оставляя на волю случая. То есть дураком-то он и никогда не был, но теперь вдруг сам заметил за собой, что начал как-то соображать, как вести себя в тех или иных случаях и с разными людьми. Беда в том, что, когда начинаешь «ЗАМЕЧАТЬ ЗА СОБОЙ», – все. Это называется «рефлексия», это необратимо, не лечится, и не быть тебе больше счастливым первобытным существом. Это даже пропить трудно.

То есть в первую очередь он заметил, как изменились его руки. Да нет, с виду они остались прежними, но он буквально не узнавал их, настолько ловкими, хваткими, цепкими они стали. Теперь он запросто, без пауз и затруднений делал любую тонкую работу, а они, казалось, опережали голову. Не успеешь подумать – как бы это исхитриться, а руки уже сделали как надо. Новые руки довольно-таки сильно чесались, и поэтому он перечинил все часы, до которых сумел дотянуться. Сначала – не давали, а потом убедились, что все будет сделано безупречно и с поразительной скоростью. Иногда, забывшись, чинил, к примеру, часы с закрытыми глазами, – а чего, право? Один-то раз уже видел.

Умения разбираться во всяких хитрых устройствах тоже, вроде бы, прибавилось, но, в ту пору, еще не так заметно. Это потом умение это стало почти инстинктивным, когда он с блеском ремонтировал незнакомые, к примеру, станки, и ловил себя на том, что при этом думает вовсе о чем-то постороннем.

А инструменты... Это были еще ТЕ инструменты. Когда он изыскивал то, что казалось ему подходящим, нужно было соблюдать прямо-таки чудеса осторожности, потому что вблизи детали они то сами тянулись к ней, то вдруг начинали отталкивать ее и отталкиваться сами, и надо было угадать, когда одно сменит другое, пользуясь тем и другим. А те, что вроде бы «прикоснулись», часто «пачкали» деталь, превращая ее уже в настоящий мусор, с концами. Ломались сами, превращаясь в огрызок. Тратились за несколько раз, становясь непригодными. Некоторые надо было «нагреть»: он постепенно установил, что нагрев этот тоже бывает разного сорта и разведаль, какой – где. Нагрев был чудной: как-то порциями, причем одинаковыми. Этому он начал учиться, как оказалось, почти сразу, наблюдая, как детальки вроде бы «распухают», прежде чем соединиться, или наоборот. А еще надо было поспевать, потому что многое имело склонность через какое-то время рассыпаться

само собой, не дожидаясь окончания его затей. Все это вместе, и сразу, и одновременно, но он постепенно учился. Выглядело это так, что легче стало находить места, где все было вроде бы как под рукой. И инструмент, и «нагрев», и материал. Потом набрел на совсем особенную снасть: она делала иные сорта работы сама собой. Вот «нагреешь» – а дальше она сама. Такое действие всегда было одно, либо, в крайнем случае, – несколько, но очень похожих. И тогда он начал искать такие штуки целенаправленно. Раз от раза соображая все лучше, куда свернуть и глянуть, чтоб найти не такое вот, – а этакое, более ловкой формы, лучше идущее к затеянному. И что сделать, чтобы искомого было много. Прямо-таки видимо-невидимо. И однажды, отыскав такое место, и устав от поисков, как последняя собака после дня в поле, он «подключил ноги». отошел подальше.

Из интервью 1958 года

Р. Это был тот самый знаменитый случай? Расскажите?

А. Б. Ну вот, снова здорово... Про что бы доброе, а уж про это... Нет, журналистов, видимо, не переделаешь. Была такая глупость. Да сколько лет-то мне было? Это теперь я знаю, что – металлоорганический комплексон, хелат, включающий рений... Кстати, он до сих пор не утратил значения, и о-отличнейшим образом работает в качестве «активного центра» катализного комплекса все того же назначения. В составе комплекса эффективность, правда, повыше – примерно в двести восемьдесят тысяч раз, а так – все то же. В свою очередь, чаще всего включен в состав того или иного кластера, предназначенного для получения... различных материалов из чистого углерода. Но и не только.

Р. А начали все-таки с алмаза?

А. Б. Все не так просто, как обычно рассказывают. Из того дрянного древесного спирта, с которого я начал, у меня получилась, как положено, мокрая, полужидкая даже, серая паста. Хорошо хоть полужидкая, а то алмазная пыль, это, знаете ли... Ходят легенды, что султаны травили ею подданных. Не знаю, сколько тут правды, но хорошего в ней и правда мало. Если внутрь. Да и дышать. Вот для тонкой полировки тот, самый первый мой продукт, и впрямь подошел бы идеально. Думаю, шел бы на «ура» и стоил при этом очень недешево. Только в шестнадцать лет разве будешь думать о нормальном товаре? То-олько о сокровище! Все идеала ищешь, даже если и слова-то такого не слышал... Помучился-а! У дяди Коли-стекляшника выпросил алмаз, да и то не сразу пошло. Не мог сообразить поначалу, как «греть» инструмент в большом мире. Да мало ли всякого, что потом, все вместе, одним чохом, стали называть «трудности перевода». А потом сделал, да. На три с половиной карата, на шесть, на десять. Первый дяде Коле подарил, так он нарасхват стал. Там, где здоровенные витринные листы раскраивать, – цены не было. А тут самые стройки начались. Заводы, по тем временам громадные, и стекла к ним соответственно. В то время мало у кого большие алмазы-то были...

Р. А ведь и увлечься могли, по молодости лет...

А. Б. И не говорите. Сгорел бы, как швед. Не иначе боженька отвел. Или ангел-хранитель. А на самом деле подумал я это, подумал, как и кому продать, да не попасться... И бросил это дело. Дядька как-то извернулся, продал жучку какому-то тот, что средний. Раз, поди, в пять меньше настоящей цены, но и то в новый дом переехали. С доплатой. Таковую байку тогда сочинил, – до сих пор удивительно.

Тут Александр Иванович немного слукавил. Алмазным инструментом он потороговывал и потом, – помочь семье. Как то и положено нормальному представителю родо-племенного общества. Только теперь это был черный, невзрачный «борт»*. Брели неплохо и по неплохой цене, но шопоток, шорох какой-то, начавшийся вокруг него после покупки дома, было, стих, – а потом начался снова. Чем дальше, тем сильнее. Тогда-то он и ушел из дому на новый завод, поселился в рабочем общежитии и не грешил больше. Зарекся связываться со всякими блестящими штучками, к которым, ровно смола, липли всякие темные личности. Это потом-потом, официально, со всеми предосторожностями, когда выяснилось, что рабоче-крестьянской власти, помимо добротного инструмента, требуются еще и блестящие камешки. Судя по секретности, которым власти обставили это небольшое производство, дело было страшное. Сгинуть можно было запросто, – и гинули. Гибли от рук поделщиков и бандитов, исчезали без следа, а, больше того, – садились на большие срока или шли под расстрел. Саня потом сколько раз бога благодарил, что остался, в общем, в стороне. Делали какую-то номенклатуру, поставляли, куда – не знаем, не нашего ума дело, наше дело сторона. Интересно, что куда более серьезные, в общем, дела не привлекали к себе такого пристального внимания. Почти совсем.

* Мало известная в то время, до открытия якутских месторождений, разновидность природного алмаза. Черная, непрозрачная, шаровидная, представляет собой сросток мелких кристалликов. Ценится, как столь же твердый, но при этом более стойкий и менее хрупкий инструментальный материал.

Теперь они, взяв несколько подсобных рабочих и трудясь до пота, выпускали сто пятьдесят комплектов в месяц. Приезжало начальство, призывало увеличить производство, не замечая в упор, что уж тут-то производительность труда куда как выше, чем на на любом капиталистическом заводе с тем же количеством работников. Поскольку номенклатура не менялась уже довольно давно, Саня, как обычно, устранил узкие места, когда на заводе разрабатывали, ставили и отлаживали конвейер. Даже подошел к Владимиру Яковлевичу, и они вместе внесли некоторые изменения в конструкцию мотора и отдельных его деталей для удобства поточной сборки. Испытали. Как обычно – с успехом. Исполдволь они оба осваивали труднейшее искусство вносить частные изменения так, чтобы конструкцию все-таки не приходилось переделывать заново. Берович чувствовал, что подобные деяния непременно имеют свой предел, и доиграться тут даже слишком легко. Этот опыт тоже естественным образом расширил Инструкцию, – и ее способность расти. Но пока сходило. Приезжее начальство тем временем продолжало призывать и требовать.

– А триста комплектов можете?

– Не знаю. Наверное, можно, если придумать – как.

Больше всего начальству, – не приезжому, для которого Саня был безымянным шпынем в спецовке, а местному, насквозь родному, – нравилось то, что Саня никогда ничего не требовал под предлогом особой важности очередного почина или же собственной незаменимости. Он просто-напросто никогда не воспринимал новую работу, как что-то особенное. Была, есть и будет. Работа есть работа. Принципу «сделать» отдавалось явное предпочтение перед принципом «заказать, подать заявку, *выбить*, дожидаться». Поэтому он брал, что ему требуется, не больше, и не меньше, привлекал к работе тех, кого нужно, по мере необходимости, основную работу делал сам, благо оснастки у него теперь хватало, а начальство воспринимало это, как нечто само собой разумеющееся. Вроде того известного факта, что из зернышек естественным образом вырастают колоски и прочие полезные злаки, вне зависимости от точного знания, как они это делают.

Это было не очень хорошо, потому что руководство так и не выучилось считаться с ним, как считаются с человеком и личностью. Никто не позаботился о том, чтобы дать ему оклад побольше, отдельную комнатку в общежитии или профсоюзную путевку в заводской дом отдыха.

Это оказалось очень хорошо и весьма кстати потом, потому что, когда *началось*, и хватили уже всех встречных и поперечных, как бы желая выполнить какой-то свой, зловещий Встречный План, никому и в голову не пришло арестовать Саню Беровича, как не пришло бы в голову арестовать, к примеру, распределительный щит, карусельный станок или сварочный аппарат. Так, – возится в темном углу что-то такое невзрачное и почти бессловесное, какое-то серое *чмо* в спецовке, «тыбик» за все... громкое дело из него никак не выжмешь. Но это было потом, аж несколько лет спустя. А пока у него была новая заковыка.

– Кто еще имзет, что сказать? Товарищ Ворошилов?

Вопрос был задан больше для профформы, теперь, когда миновало без малого полтора года войны, Клим был, казалось, надежно отучен лезть со своим мнением, когда серьезные люди обсуждают серьезные вещи, но этикет должен быть соблюден. Его должен соблюдать даже тот, кто выше любого этикета, и как бы ни в первую очередь. Маршал, сидишь здесь, значит – одно из последних слов твое по праву. Другое дело, что товарищи вправе ожидать, что ты *все*

понимаешь и поэтому от слова откажешься, дабы не отнимать времени у занятых людей. Но он, пожевав губами, вдруг поднял на собравшихся привычно опущенные глаза и набрал воздуха:

– Вот я тут, товарищи, хочу обрисовать обстановку и спросить, правильно ли я ее понял? Это что ж значит, – он неожиданно хихикнул, – немцы теперь не могут быть уверены ни в какой своей обороне? Будут бояться, что мы прорвем ее в любом месте? – Паузы он не сделал, и, может быть, именно поэтому никто ему не возразил, а он продолжил. – Немцы под Сталинградом влипли крепко, сами не вырвутся. Так? Манштейн дернул было 4-ю танковую армию на выручку, но следом же дал отбой, потому что Калининский фронт в шестидесяти верстах от Смоленска, а разгромить его им не удалось. Георгий Константинович, – говорят, вы там этой самой хваленной «Великой Германии» крепко всыпали*, а?

– Поймали на марше фузилерный полк. Не уцелел, практически, никто. Второй случай за всю компанию. В прошлый раз был танковый полк из того же 41-го танкового корпуса немцев, только из дивизии попроще.

– Вот и я говорю: не придет шестой армии серьезная помощь. Сдохнут они в котле. Казалось бы – всем хорошо, можно войска снимать, направлять в другие места, шутка сказать, шесть армий. Так? Так, да не так! Вот товарищ Сталин...

Желтые глаза вышеупомянутого пристально уперлись в старого друга и соратника. Ба, Валаамова ослица заговорила! Что это с ним?

– ... учит нас не допускать самоуверенности и верхоглядства. Этим летом германцу удалось крепко наказать нас за эти грехи. Я так понимаю, что нам после этого требуется, чтоб немец сложил оружие, чтоб никаких поводов для брехни не осталось бы. Если их не штурмовать, то сдыхать они могут слишком долго. Кроме того, а ну как, кинься они, к примеру, на прорыв, это что ж выйдет-то? Четыреста километров по степи, без еды, без горючего, под бомбежками, они, понятно, не пройдут. К своим выйдет много, если один из десяти, или того меньше, зато шуму-то, шуму будет, особенно если часть штаба и штандарт вывезут! Опять русские обо... обмишулились, косорукие, упустили Паулюса, а тот сидел, как кот под чугуном, это ж надо быть такими тупицами? Нам сейчас нужна победа, которая не вызывала бы вопросов, потому что на нас союзники смотрят. Так? Так, да не так! Слишком бояться-то тоже вредно...

– Харошё, – раздраженно прервал его Сталин, – и что ти прэдлагаешь?

– Предлагаю, поскольку на деблокаду немцы не решились, действовать по первоначальному плану товарища Василевского, то есть окружить в излучине Дона 8-ю итальянскую и 3-ю румынскую армии. Это, кстати, сделает положение Паулюса вовсе безнадежным, а войска все-таки будут поблизости. А вот прорыв на Ростов, – его-то, как раз, и обозначить. Мы боимся, – так и они бояться! После Сталинграда-то! Так пусть и бегут с Кавказа бегом, зимой, заместо правильного отступления. Если их подогнать хорошенько маневром на Ростов, – побегут, никуда не денутся. Послать абы кого, можно даже без вооружения, лишь бы с воздуха выглядели колонной на марше. Побегут уже после окружения итальянцев с румынами, а уж если сделать этакий выпад на Ростов и дальше к Азову, то начнется настоящий драп. Такой, что останется от них в конце треть, да еще без тылов и тяжелого вооружения. Будет у нас и знак, – сдались немцы под Сталинградом, тридцать три дивизии! – и дело, потому как весь южный фланг у них – рухнет разом, они даже не успеют прикрыться Днепром. Ну, а уж если их удастся прищучить на Кавказе...

Он как-то по-женски развел руками и сел без особых церемоний. Ему не сделали замечания. Похоже, его невежливости вообще никто не заметил. В помещении воцарилось тяжелое молчание.

– Так. Больше никто не желает высказаться? Нэт? Тогда я скажу. Ми могли бы поддержать предложение товарища Ворошилова, если он скажет, кто может организовать эту его демонстрацию? Или он предложит... свою кандидатуру?

– А я, – с достоинством сказал старый маршал, – человек военный. И о партийной дисциплине тоже не забываю. Скажут, – так пойду в степь. Только полагаю, что здесь нужен военачальник с особым опытом и складом, умеющий быстро мобилизовывать гражданское и прочее население и превращать его в войска. Поэтому лучшей кандидатурой считаю, конечно, генерала армии Апанасенко.

– Кто еще? Иосиф Родионович нужен нам... на своем месте.

– Боюсь встретить непонимание, товарищ Верховный Главнокомандующий, а только я считаю, что в этом сложном, требующем незаурядных организаторских способностей деле обязательно должен участвовать товарищ Хрушев.

– Хорошо. Ми тут посоветуемся и примем решение. Все свободны. Товарищ Жюков – задержитесь ненадолго.

*«Великая Германия», вопреки довольно широко распространенному мнению не относилась к СС. Элитная часть вермахта. Является своего рода индикатором того, чем на самом деле, в ТР, была операция «Марс». В СССР о ней помалкивали, т.к. победой это назвать невозможно. В раннем постсоветском периоде был распространен черный миф о том, как Жуков гнал людей на убой, по снегу на пулеметы толпами, а немцы только постреливали, не неся никаких потерь. Так вот, в ходе «Марса» эта элитная дивизия играла роль пожарной команды, затыкала бреши около десяти раз, и потеряла почти половину списочного состава: немцы тоже не слишком-то хвастают ходом той битвы, во время которой не раз находились на грани катастрофы.

– Когда прикажете приступать... к подготовке операции?

– А ти еще нэ приступил? Тогда вчера, Никита. Вчера.

Для того, чтобы добиться цели демарша, нужно было, чтобы немцы, как бы они ни были напуганы катастрофой под Сталинградом и не имеющим конца, затянувшимся ужасом, кризисом на грани катастрофы на центральном участке фронта, все-таки поверили в грандиозную мистификацию. Даже если допустить, что разведка немцев в таких условиях будет неизбежно поверхностной, это означало, что колонна должна быть достаточно масштабной. Она должна двигаться со скоростью, которая создавала бы по крайней мере видимость потенциальной угрозы. Там должна быть какая-никакая техника, поскольку без этого толпу попросту не воспримут всерьез, а уж это сверху было проверить легче всего. В отличие от всего прочего. Машин – не дадут, на это был сделан более, чем прозрачный намек. И это слишком понятно, потому что грузовики были нужны позарез везде, а на центральном участке фронта – этот самый «позарез» был тройным.

Вошедшие в раж войска двух фронтов, кажется, поняли смысл жизни: «чем быстрее рвешься вперед, тем меньшее сопротивление тебе оказывают, тем больше шансов остаться в живых Лично У Тебя» – и поэтому спешили, чтобы как можно дольше сохранить состояние «чистого» прорыва. Но при этом их было явно маловато, для того, чтобы воевать «по науке», местность не способствовала быстрому продвижению, тылы неизбежно отставали, а люди – уставали сверх человеческих возможностей. Засыпали за рулем или рычагами, просыпаясь от того, что въехали вопереди идущую машину или в ствол дерева. Засыпали на ходу, убрывая в сторону, и замерзали, если их не успевали заметить такие же бедолаги, бредущие рядом. Случалось, правда, нечасто, и совсем страшное: боец молча падал и умирал, как будто в него попала пуля.

Единственным выходом тут было то, что составляет самый принцип фехтования: острое шпаги – всего лишь сияющая точка, но застилает непроницаемой завесой все пространство, ее не обойти и от нее не загородиться, в ней сфокусирована вся жизнь и вся смерть, что разлиты

в мире. От этой точки уходят, уворачиваются, отступают всем, таким громоздким и инертным, телом, ее отбивают, используя всю силу рук. Поэтому из основных сил формировали подвижные соединения смешанного состава, отдавали им все, потребное для боя, и они неслись вперед со стремительностью того самого острия шпаги, чтобы не нарваться на лезвие такого же боевого соединения, а пронзить мягкую плоть спешащих в походном порядке к прорыву резервов, штабных колонн, тыловых частей, обозов, ремонтных баз. Основные силы спешили вдогонку, заполняя захваченные плацдармы, поспешно, но все-таки недостаточно быстро накапливая материалы и силы на то, чтобы либо – пополнить и снабдить ударные части, либо – выделить новые вдогонку – или взамен предыдущим. Царство, конечно, небесное. Такой способ боя вообще очень хорошо выражает русское: «Пан или пропал». Либо – успех, либо полная гибель. За эти страшные недели и генералы, и солдаты научились не то, что понимать, а прямо-таки чувствовать: остановишься – и через четыре-пять часов упруешься в оборону, которой не было еще вот только что, остановишься еще дольше, – и оборона уплотнится, сделавшись непробиваемой, остановишься намертво, – и не выживешь, потому что уже на тебя обрушится удар с той стороны, с какой будет угодно Вражине. У которого, кстати сказать, здесь и сил-то, в общем, побольше. И не столько разум даже, сколько это самое чутье порождало тактику, как нечто насущно-необходимое и вполне естественное, очевидное. И все чувствовали, и почти все понимали, что долго такое продолжаться не может, и поэтому оттягивали миг неизбежной неудачи особенно отчаянно. Справедливости ради надо сказать, – практически с первых дней отчаянные выпады подвижных конно-механизированных групп оказывались подозрительно успешными, как будто командование действовало по-настоящему навзряч. То обстоятельство, что за облаками днем и ночью, изредка сменяя друг друга, кружили огромные, медлительные, почти бесшумные «Т – б», которых теперь в распоряжении двух фронтов было теперь аж восемь штук вместо прежних двух, было известно только фронтовому командованию...

Кто-то изрек некогда: танковые части, – не острие, пробивающее панцирь. Они яд, который впрыскивают в открытую рану. В этом есть своя мудрость, но так бывает редко и совсем, совсем недолго, потому что на самом деле танковые части без артиллерии и, главное, хорошей (и хорошо «осаперенной») пехоты долго не живут.

Поэтому все, что было способно мало-мальски поспевать за танками, ценилось на центральном участке фронта не то, что на вес золота, а прямо-таки на вес жизни.

Так что взять их неоткуда, и не дадут. В той коллекции сложностей, что сложилась в голове прямо сейчас, навскидку, присутствовала также проблема «накормить», – а то попросту не дойдут. Зато не было проблемы «вооружить», поскольку оружия этой большой Непервомайской демонстрации не полагалось прямо-таки по статусу. Ай, Климушка, сукин сын! Нечего сказать – удружил, мерзавец! Ну не может быть, чтоб он это все сам! Молчал-молчал, сопел себе в две дырки, ни во что не вникая, – да и высказался вдруг? Так не бывает! Провалиться на этом месте, если дело обошлось без негодяя Берия... А что, если и его замазать в это дело? А чего терять? Либо – не откажет, и все будет в порядке, либо – откажет, и тогда окажется виноват. Ничего, Лавруша, не мне одному прыгать, ты у меня тоже попрыгаешь, запомнишь, каково подлянки-то кидать! Но это с людьми. А со всем остальным как?

Прототип IV: образца 36 года.

Теперь он привлекал к делу Карину и в тех случаях, когда приходилось делать что-то новое. Она неизменно справлялась, если только полученное от него задание было более-менее определенным. Сейчас, получив вроде бы нереальное задание удвоить производство, он, на самом деле, мог бы пойти простым путем: набрать еще девчонок-закладчиц и увеличить количество емкостей. Это, кстати, было вполне реально, первые его подручные, те, что исподволь становились Старой Гвардией, неоднократно докладывали: просят, – но он неизменно

отмалчивался. Чутье, отчасти данное ему подростой Инструкцией, или Инструкция, подростая за счет невыразимого словами опыта, не позволили ему идти по пути наименьшего сопротивления, как будто намекая: главное – это чтобы как можно меньше зависело от наличия квалифицированных рабочих. Наступит время, придет пора и для призыва, уже по-настоящему *массового*, вот тогда-то и скажется по-настоящему то, что он придумает и сделает сейчас.

Так что пока он решил сделать оснастку, которая умела бы точно отмерять, чтоб вот этого – столько, а этого (тогда) столько, а вот этого – полстолько. Поначалу задача показалась ему несложной, он даже представил себе, – хотя и знал наперед, что это глупость, и на самом деле все будет по-другому, – как сразу множество автоматических пипеток одновременно ныряют во все нужные емкости сразу, и забирают ровно столько, сколько нужно, в зависимости от конкретной закладки, да... Вот только соотношение веществ в зависимости от объема менялось. То, что по-научному называлось *зависимость*, носило *нелинейный* характер. По сложившейся привычке Саня, когда головы не хватало, привлек к решению задачи руки. А еще – грешный свой язык, и гондобил что-то, бормоча себе под нос бессвязные, бессмысленные речи. Тот, кто плохо его знал, мог бы решить, что Саня, наконец, рехнулся на почве исполнительской дисциплины, но те, кому надо, знали его неплохо.

– Херней страдаешь, – вежливо обратился к нему Владимир Яковлевич, которому донесли о происходящем в подробностях и красках, чуть только не повизгивая от радостного возбуждения, – Саня? Чей-то тут у тебя?

Берович, как мог, попытался самыми простыми словами довести до патрона суть проблемы и характер затруднений, заранее ожидая, что объяснить не получится. И увидел вдруг, что конструктор, поначалу напрягшийся, постепенно расслабился, и лицо его при этом выразило нечто вроде легкого пренебрежения. Владимир Яковлевич был на самом деле и талантливым, и хорошо образованным инженером. О тех самых «тепловых двигателях» он знал если и не все, то очень, очень многое.

– А! – Сказал он. – Кулачковый вычислитель. Им еще, помнится, уже при царе Горохе *паровозники* пользовались...

Слово «паровозники» он произнес с непередаваемым выражением, передающим всю меру его презрения.

– А где прочитать?

Прочитанное воодушевило и вызвало неподдельное уважение, но Саня не был бы самим собой, если б не нашел в конструкции механизма множества недостатков. Излишней сложности, лишних деталей, той странной зашоренности мысли явно же умнейших создателей вычислителя, что так и не позволила им прямо следовать сути задачи. То, что он сам собирался сделать что-то вроде, только хуже, равно как и то, что отказался от этой идеи, познакомившись с тем, как это делалось до него, не смутило его нисколько. В то время он вообще меньше был склонен к рефлексии и не задумывался над подобными проблемами. Ему хватало своих. А тут все стало на свои места: воображать надо было в шестеренках и *стерженьках*, а вот делать, – непременно в *токе*. «В токе» он воображать пока что не умел, но сразу же стал прикидывать, как бы подобное могло выглядеть в Похоронке. Со временем и это умение тоже стало неотъемлемой частью Инструкции.

Надо сказать, что историю аналоговых вычислителей на 17-м, а затем на 63-м заводе можно считать чем-то совершенно уникальным. Особой главой в истории техники. Ничего не зная о первых опытах с цифровыми ЭВМ в США, о концептуальной идее перехода на двоичный код, на заводе-комбинате-комплексе развивали себе и развивали аналоговые устройства. Их усложняли. Совершенствовали. Сумели придать значительный универсализм за счет ряда оригинальных технических решений. Довели до высокой степени миниатюризации за счет совершенствования элементной базы. Ряд устройств стал настолько совершенным, что уже к пятидесятым годам позволил внедрить в практику строительства крупных самолетов т.н.

«счетно-плазовый метод» и, буквально, революционизировал проектирование вообще. Потом, с триумфальным шествием Цифры, достижения в этой области были как-то забыты техническим сообществом. Они могли бы так остаться достоянием историков техники, но потом выяснилось, что многие, многие задачи, которые не удавалось решить на цифровой технике с «классической» архитектурой, на самом деле решены более десяти лет тому назад. Нашлись люди, бывшие выше любых предрассудков, которые предприняли вроде бы безнадежную попытку объединения двух подходов. Было создано несколько вполне практичных устройств «химерного» типа для решения узких задач. А потом возникла концепция «обобщенного числа»*. Такого, у которого разряды имеют право иметь разную «емкость». Авторы утверждали, что любые проблемы, связанные, например, с реализацией полноценного искусственного интеллекта можно свести к элементарным действиям с такими экзотическими «числами», но проверить это было практически невозможно. И тогда оказалось, что чуть-чуть измененные «химеры» подходят для этого как нельзя лучше. Так произошел Великий Синтез, значительно изменивший наши представления о природе информации.

А пока Сане казалось, что уже второй год подряд он делает одно и то же, в сущности, вовсе несложное дело: для того, чтобы выполнить возросшее в десять, в сто раз задание, выдумывает и делает «на коленке» оснастку. Та оказывается очень даже пригодной, и его заставляют делать еще. Постепенно оказывается, что он занят этим делом постоянно и почти круглосуточно, работа становится все более успешной и все более рутинной. Он придумывает, как поставить на поток и «это дело», и просит под него еще людей. Тех самых, которые благодаря его плодотворной деятельности освободились на других производствах. Таких оказывалось, порой, очень немало. И не все его любили из-за хлопот, которые он доставлял таким манером доставлял достаточно регулярно. Но бить все-таки так и не решались. В результате зачастую как-то само собой возникало новое производство.

Чахлый инструментальный цех, одно название, что цех, становился чуть ли ни самостоятельным заводом, а Яков Израилевич теперь директировал, по сути, целым училищем, за глаза именуемым «клумбой» за то, что обучались там почти исключительно девушки во-первых, и за их манеру держаться этакой тесной стайкой, прижавшись друг к другу, во-вторых. По мере расширения производства неизбежно возникали новые нужды, Беровича неизбежно привлекали для ликвидации «узких мест» производства или же поставок, он – налаживал выпуск недостающего, постепенно на вспомогательный источник тех или иных деталей и техники начинали смотреть, как на основной, производство из «кустарного» становилось полномасштабным, иногда более, чем солидным, и цикл повторялся. Хотя в те времена этот принцип, эта схема его воздействия на мир еще только складывалась, находились в процессе становления, не стали явной закономерностью.

Саблер, одетый по летнему времени в чесучевый костюм, в шляпе цвета яичной скорлупы на голове, с палочкой в руках и неизменной улыбкой на круглом лице приходил к Сане каждый раз, как только намечался выпуск нового изделия, – узнать, чему теперь придется учить «этих шкиц». Выслушивал, молчал около минуты, прикрыв глаза и набирая побольше воздуха, после чего начинал скандал. Беровичу оставалось только удивляться, каким образом этот старый человек, зачастую ничего не понимая в сути технологического процесса, почти всегда оказывался прав. Он требовал, чтобы все сводилось к простейшей инструкции, «которую может выполнить любой болван». Говорил, что ничего и не хочет понимать, потому что мир состоит из дураков, и то, чего нельзя делать без понимания, не годится для массового производства прямо-таки по определению. И он добивался своего, инструкция приобретала формулировку, ни в одном пункте, ни на одной стадии не подлежащую двоякому толкованию. Он воспитанник своих он требовал просто-напросто безукоризненности, и поэтому изгонялись не только откровенно неаккуратные, но и те, кто хотя бы раз позволил себе схалтурить, сделать *хуже, чем мог*. Зато те, кто выбивался из общего строя в другую сторону, показывая умение действо-

вать в неоднозначных ситуациях, «выводились за скобки» в качестве зеленого сырья будущих руководящих кадров, к ним начинали присматриваться. Ни Беровичу, ни тем более Саблеру и в голову не приходило показывать свое особое к ним отношение, потому что такого рода качества были и опасными, и перспективными одновременно. Потому что в армии нет ничего нужнее, чем хороший сержант, и нет ничего опаснее, чем держать в рядовых готового сержанта. Нет и не может быть никаких бунтов и беспорядков там, где все неформальные лидеры становятся по совместительству формальными. К сожалению, такого рода возможность не всегда присутствует, и поэтому империи время от времени с грохотом рушатся. Других причин, в конечном итоге, нет.

*Примером может служить иерархическая классификация любых природных объектов: «тип» может содержать шесть «классов», а «класс» – двадцать отрядов. С этой точки зрения системы исчисления, в которых разрядная единица содержит фиксированное количество «младших», – тысяча – сотен, сотня – десятков, – есть только частность.

– Сергевна – выручай. Все понимаю, знаю, что не можете, верю, что как на фронте, – а надо.

– Товарищ член Военного Совета, мы, кажется, и так никогда не отказывали ни в чем. Все, что в наших силах. К чему просьбы-то?

– А, – с непобедимым простодушием ответил Хрущов, – к тому, что приказать-то я тебе никак не могу... Это теперь, с прошлого июля только Верховный и может, а всем остальным – ни-ни. Потому и прошу, что больше помочь некому.

– Товарищ Хрущев, вы меня пугаете. Скажите, что за беда, и все, что зависит лично от меня...

Он вкратце объяснил суть чудовищного мероприятия, возложенного на него высшим руководством и добавил:

– И что за люди-то? Одни ноги, да и те слабые. Все полягут, и дела не сделаем, и не отмолим никогда! Ну ты же комсомолка!

– Н-нет, – она потрясла головой, не думая, что собеседник никак не может увидеть ее жеста, – парторганизация запретила давать рекомендацию. Да я с тех пор и не настаиваю. Некогда, по правде говоря.

– Что? А-а-а... Я сам потом дам рекомендацию, лично. Выручишь?

Она задумалась. *Этот* – был, вроде как, один из всех прочих среди приближенных товарища Сталина. Не менее подл, чем кто угодно, и поподлее многих. Такой же душегуб, и в крови по макушку лысой головы. Но присутствовал тут и нюансик, особенность. Будучи *негодяем*, и, по негодяйству своему, *душегубом*, он не был *злодеем*. Приспособленец, как все в сталинском окружении, он мог пролить реки крови ради карьеры, места и уж, тем более, ради того, чтобы обезопасить собственную шкуру. Но ему это не нравилось. Будь его воля, он, пожалуй, не убивал бы. Будучи, пожалуй, не менее подл и аморален, нежели те же Ежов, Мехлис, он не был, в отличие от них, посланцем абсолютного зла. С другой стороны, он был хуже их тем, что убивал, ведая, что творит, ни на минуту про то не забывая. Ближний круг Беровича разбирался в людях хоть и своеобразно, но точно, не валя в одну кучу даже негодяев, не забывая о тонких отличиях между ними. Этот – мог сделать доброе дело просто так, по убеждению и без выгоды, если оно, понятно, никак не мешало ему лично.

– Слышите меня? Хорошо слышите? Так вот, то, что зависит от меня, я сделаю полностью, во всю силу и со всем старанием. Но я сама по себе ничего не решаю. У меня есть свой хозяин, и вы его знаете.

Он его знал. И знал, что хозяин этот может быть по-настоящему опасен, поскольку, в отличие от всех прочих, был совершенно непредсказуем, сильно напоминая этой своей чер-

той Самого. И то, что Хрущев отлично знал истинный, – крайне значительный! – масштаб власти и влияния Карины, ничего не меняло. Если ее хозяин скажет ей, это будет исполнено. Безусловно и беспрекословно, и разговор будет закончен навсегда, и повлиять на это обстоятельство нельзя *никак*.

– Товарищ генерал армии, Александр Михайлович, мне тут Никита Сергеевич звонил, говорил о текущей задаче...

– Да. Я понял. Слушаю.

– Скажите, – это правда так важно? Ну, чтоб война побыстрее кончилась?

Вот так вот. Посторонние штатские знают о секретнейших замыслах Верховного Главного командования и задают о нем вопросы... да что там, – фактическому начальнику Генштаба. По всем законам, по правилам писанным и неписанным, ее надо немедленно арестовать со всеми вытекающими последствиями. Вот только делать этого он не будет. И не только в том дело, что собеседница его, двадцати двух лет от роду, входит в номенклатуру ЦК, а если уж совсем откровенно, то в номенклатуру товарища Верховного лично. И не в том даже, что именно ей во многом подчиняется индустриальная мощь, бывшая в пору хорошей стране. Дело еще в том, что относилась она к людям совсем особым. Словами, вот так, вдруг, этого не объяснишь, но понимаешь ясно. Речь не о том, что лишней болтовни не будет, – какая там болтовня! Просто-напросто, если Карина Морозова примет эту жуткую, окаянную затею, как свою, поймет всю ее необходимость, – а это такое понимание, от которого хочется выть, а потом, когда все закончится, застрелиться, – от этого может воспоследствовать бо-ольшая польза делу. Тут нужно либо не отвечать вовсе, либо говорить честно, поскольку врать худой, сутулой, тягуче-бесшумной Карине Морозовой нельзя. Об этом даже и подумать отчего-то страшно. Ну, раз Никита решился, ему и тем более стыдно трусить. Да и вопрос, надо сказать, неплох.

– Понимаешь, Кара ты моя, неминуемая, – проговорил он несколько легкомысленным тоном, поскольку она как раз годилась ему в дочери, – обойтись, наверное, можно, но НАДО БЫ – сделать. Если не выгорит, то мы теряем три-четыре десятка тысяч людей, которым в военное время, откровенно говоря, и так не светит. Всего-навсего. Если выгорит наполовину, как обычно, то немцы, если умные, на юге драпанут аж за Днепр. Это значит, что не придется освобождать почти всю Россию. А еще то, что в живых останется пол-миллиона молодых парней, а еще полтора уйдут неизувеченными. А вот если выгорит полностью... О, тут я тебе точно не скажу. Скажу только, что те цифры придется удвоить, если не утроить. Им будет некогда, да и просто *нечем* затыкать дыры.

– А почему этих? – Голос Карины был полон нестерпимой горечи. – Скажите, товарищ генерал армии, только честно, – неужели же у нас совсем людей не осталось?

– А у тебя что, – рабочих рук вдоволь? Наверное, – сплошь здоровые молодые мужики со специальным образованием? – Она – молчала, потому что даже *слишком* хорошо понимала, что именно он ей говорит. Он помолчал некоторое время, она слышала только, как он возмущенно свистит носом, а потом проговорил скороговоркой, сварливо. – Найдутся еще люди, не бойся! Вот-вот новый призывной возраст придет, на освобожденных территориях наскребем. Нарожали матери, успели. Да ведь и этих положим, если упустим это самое «вот-вот». Только на войне понимаешь, чего стоит время. Сто человек могут вовремя сделать то, что спустя два часа окажется не под силу тысяче, а спустя сутки тут могут потерпеть неудачу целые армии.

Услыхав посторонние звуки, которые ожидал услышать от кого угодно, только не от нее, сказал примирительно:

– Да ты не реви...

– Я-а?! – Голос в трубке отлично подошел бы солидной, опытной кобре длиной метра в три. – Просто расстроили вы меня, очень. – И полу-выдохнула, полу-прошипела с невыразимой угрозой. – Ла-адно, посмотрим!

Он отлично понял этот тон. Жуткая, сосредоточенная ярость не бойца, но – закусившего удила крупного воротилы, магната, не уступающего волей и возможностями иному полководцу. Исчезла молодая и, вопреки всему, чистая и честная девчонка, осталось особое бешенство мастера усилий не кратковременных, но сложных и длительных, привыкшего пробивать любые стены, сметать любые препятствия и не признающего ничего невозможного.

– Вы только это, слышите? Александр Михайлович, миленький, вы уж сами проложите им маршрут, никому не поручайте! Помогите, а? А уж мы...

И – скрипнула зубами от полноты владевших ею чувств. Что делать? Он вообще отличался слишком мягким для полководца характером и потому – пообещал. Понятно, – она позабыла попрощаться, спеша положить трубку. Ну вот. Теперь страшно даже представить, что она там устроит. Василевский, задумавшись, вдруг ударил кулаком о край стола. А что? Паулюс из-под Сталинграда не выберется больше ни при каком раскладе. Румыны с итальянцами на Дону зависли крепко, как незрелый желудь, и уже начали сдаваться быстрее, чем помирают, хотя и помирают очень быстро. Под Смоленском Георгий Константинович крушит и крошит немцев так, что им и отдышаться некогда. Что называется, – «воюет в тактическом ключе»: это когда операции проводятся каждый раз ограниченными силами, внезапно по времени и в неожиданном месте, так, что противник не видит явной связи между ними, а толк – есть. Может быть, оно и правильно, может быть, только так и можно воевать в тех местах. Непонятно, откуда и силы-то берет? Стратегических резервов он, понятно, не получит... а вот со спокойных участков фронта ему, пожалуй, можно кое-что и передвинуть. Рокировать, так сказать. Ну, а если и здесь получится... Если и здесь получится, то это еще полтора-два Сталинграда.

– Скажите, товарищ Жюков, если применить эти новые «катюши» против окруженной Сталинградской группировки, – это намного ускорит капитуляцию?

– Безусловно подорвет способность противника к сопротивлению, товарищ Сталин. Только...

– Только что?

Не хотелось бы применять это оружие на своей земле, товарищ Сталин. Только в логове. Уж больно это страшно.

Прототип V: образца 37 года.

– Товарищ Ежов, а что у вас по вредительству на 17-м заводе?

Нарком побледнел. Сказать вот так, навскидку о положении с вредительством на номерном заводе, не бывшем на слуху, он не мог. У него и без какого-то там 17-го было, о чем доложить Вождю. Вредительство на производстве множилось, армии вредителей плодились, как мухи в гнилом мясе, органы захлебывались под девятым валом сигналов от секретных сотрудников и просто бдительных граждан, но именно об этом заводе ничего особенного вроде бы не поступало. Это было *очень* плохо, настолько, что могло кончиться катастрофой. Не могло того быть, чтобы Сталин спросил просто так, без всякого на то повода. Причем повода очень серьезного, иначе он не спрашивал бы так, как будто между прочим. Надо было отвечать, отвечать срочно, причем таким образом, чтобы, не дай бог, не соврать ни единым словом.

– Работаем, товарищ Сталин. Не хотелось бы докладывать, пока не будет полной ясности.

– То есть явных сигналов, – взгляд светло-светло-карих, в крапинку глаз проник, казалось, в самую душу, – как я понимаю, нэ было?

– В отдельном производстве, – в отчаянии соврал нарком и похолодел, понимая, что, может быть, загнал себя в смертельную ловушку, – товарищ Сталин. Разбираемся особо тщательно.

Этот завод заплатит ему за этот разговор отдельно. У них там будет не просто вредительство, не просто заговор, а целое контрреволюционное кубло. Штаб контрреволюции и всех недобитых троцкистов разом!

– А вот этого не надо. Дело передадите курьеру. Все документы, все записи. И знаете еще, что, товарищ Ежов? Уберите оттуда *всех* секретных сотрудников, список которых тоже передадите курьеру. Дело берется под особый контроль. Нэ надо, чтобы сотрудники толкались локтями и мешали друг другу. Ви меня поняли? Товарищ Берия будет докладывать лично мне.

А ведь это конец. Очень может быть. Необходимо, просто-таки жизненно необходимо узнать, что там делается на самом деле, и послушаться тоже ни в коем случае нельзя. Что же делать?

– Идите, товарищ Ежов. Спецкурьер отправляется вместе с вами.

Пуля в затылок, может быть, прямо сейчас. О спецкурьерах рассказывают разное.

Глаза в крапинку на секунду, не больше, уперли пристальный взгляд в закрывшуюся за наркомом дверь. Бог ты мой, с кем приходится работать. Беда в том, что, будучи ничтожеством, он не делается от этого менее опасен. Разумеется, он и на секунду не собирался привлекать к этому делу Берия. Потом – может быть, даже наверное, но сначала он должен разобраться сам. Надо обращать внимание, если слишком много сигналов. Тем более надо, если сигналы поступают противоречивые. Но особое внимание нужно обращать, если сигналы отсутствуют. Мысль, – он может признаться себе в этом, – не его, но автору идеи* и в голову не придет, что он мельком высказал товарищу Сталину нечто для него новое. И тем более ничего не узнает о том, как товарищ Сталин эту мысль развил, какие выводы сделал.

Началось с глупейшего, по сути, эпизода, когда поступил сигнал о плохом качестве двигателей одного из заводов, совершенно обычное, рутинное дело, не его, в конце концов уровня, – а потом он вдруг понял, что донос этот преследует совершенно конкретную цель: чтобы двигатели в его часть поступали непременно с 17-го завода. Мелочь эта не остановила на себе его особого внимания, сохранившись где-то на самом краешке сознания, пока, месяца через три без малого, не всплыла еще более нелепая жалоба на снабженца, который якобы по знакомству снабжал двигателями 17-го завода избранных потребителей, отгружая остальным, что останется, то есть изделия *всех прочих заводов*. И тогда, – это он, Сталин! – начал со всей осторожностью собирать информацию, и *ни разу* не вынес ее на обсуждение с ближним кругом. Так же, как ни разу не обратился за сведениями дважды к одному и тому же человеку. Только к тем, кто друг друга не любит, только к тем, кто не общается, либо же к тем, кто не имеет своего значения. Картина сложилась столь же невероятная, сколь и вопиющая. Рекламации – ни одной рекламации. Выполнение плана – неизменно. Повышенный – выполнили. Встречный – выполнили. В ознаменовании – выполнили. Наверное, – приписки? Нет сигналов. Планы заниженные? Никак не выходит, из численности рабочих как бы ни наоборот, «вешают» все, что не успевают другие. Привилегированное снабжение? Нет данных. В смысле – нет по результатам *реально проведенного* выяснения. Хотя бы штурмовщина в конце года-месяца-квартала – есть? Просто нет. Никаких прорывов, авралов, вредительства, даже самых обыкновенных аварий, остановок производства, перебоев с поставками. У всех есть, потому что не от себя, от поставщиков зависит, – а у них нет. Что ни спроси, – ничего нет! Неужели совсем ничего нет? Есть, как не быть: многовато детей врагов народа и всякого рода бывших. Что характерно – именно детей. Сплошь женские имена, ни одной старше девятнадцати-двадцати, – слава богу, хоть что-то, по-человечески понятное. Еще несколько персонажей из прежней жизни, извлечены со спецпоселений в качестве ценных специалистов... впрочем, все народ-то безобидный,

никому особо не нужный, да к тому же еще в возрасте. Откровенно говоря, – так плюнуть и растереть, тоже нету ничего!

Здесь то забавно, что бдительные товарищи на заводе *действительно* нашлись, сигнализировали по персоналиям, и дело 17-го завода *действительно* выделили из общего ряда бдительные сотрудники товарища Ежова, только сам он об этом не имеет никакого понятия и на ходу *выдумал*, выходит, чистую *правду*. Подобные казусы в высшей степени соответствовало своеобразному чувству юмора товарища Сталина и очень его веселили, когда он вот так, в одиночку, без свидетелей работал. Но тут было не до веселья, не будь он таким атеистом, то сказал бы, что дело явственно пахнет серой, впору креститься, – а на деле Никто, Ничего Не заметил!

Собственно, тут может быть только два варианта. Либо там действительно все в полнейшем порядке, тишь, гладь и божья благодать, только ангелы небесные не летают. Либо все ЧП перекрываются от постороннего мира так плотно, что не может просочиться ни один, даже самый прониливый слух. И то, и другое, разумеется, совершенно невозможно, но второй вариант уж больно противоречит той тихой, но совершенно реальной ожесточенной грызне, которую ведут за моторы этого предприятия авиазаводы и летуны всех мастей. Да, но это же совершенно невозможно... Но есть специалисты и по таким делам. И специалистки. Самое по ней дело.

* На самом деле автором этой фундаментальной идеи является некто Маккиавелли.

В кабинете царил полумрак, по мнению хозяина очень подходивший по характеру для предстоящего разговора. И хозяин здесь был не просто хозяин, но – Хозяин.

– Давно не виделись, товарищ Стрелецкая, – проговорил он каким-то домашним, доверительным голосом, обозначая сумеречную гостью, лицо которой было сейчас едва видно, – докладывайте. Прежде всего то, что вам самой показалось особенно важным. Но сперва ответьте на главный вопрос, как мы договаривались, помните? Кто на этом заводе является главным?

– Товарищ Сталин, положение, сложившееся на заводе, является настолько необычным, что простой ответ на вопрос о ключевой фигуре практически ничего не даст.

– Продолжайте, – кивнул хозяин кабинета, – если надо, говорите подробнее. Я послушаю.

– Директор на этом заводе является настоящим директором. Распоряжается хозяйством, ресурсами и персоналом, все его распоряжения не оспариваются и неукоснительно выполняются. Это чистая правда. Далее. Главный конструктор Макулин, чей мотор.

– Его конструкция?

– Бывшая «Испано-Сюиза». Но заказчики говорят, что на треть мощнее, в полтора раза легче и во много раз надежнее. Во сколько – никто не знает. Шутят, что сломать можно только специально. Это тоже правда.

– Продолжайте.

– Главный технолог Свирский. Владеет ситуацией, ни на кого свои обязанности не сваливает. Занят с утра до ночи, и все по делу. Умело определяет узкие места и еще только назревающие проблемы.

– И это тоже чистая правда, я понял. Кажется, ничего необычного?

– Да, товарищ Сталин. Необычное начинается потом. *Все* детали для сборки производятся на заводе, на так называемом «опытно-поточном производстве», которое постоянно расширяется. Сейчас многие нормали производятся и для других заводов. Всем, что касается серийного производства, там заправляет некая Морозова Карина Сергеевна, двадцатого года рождения, дочь сектанта-толстовца, который был арестован и ликвидирован почти шесть лет тому назад.

– Она что – представляет интерес?

– Некоторый. Среди подчиненных слывет мелочной садисткой, требовательной до настоящего изуверства, не упускающей никаких мелочей, все видящей и во все вникающей. Наказывает обязательно и с видимым наслаждением. Все, кто находится под ее началом, боятся ее и ненавидят настолько, что не могут даже уважать, хотя уважать, объективно говоря, есть за что.

– Не-ет, товарищ Стрелецкая, звучит очень многообещающе. Перспективный руководящий кадр, не так ли?

– Так точно. С известными поправками.

...Она поняла, с кем имеет дело, с первого же взгляда. Косички-«баранчики», в цеху неизменно укрытые беретом, маленькое личико, какое-то даже сероватое, бледные узкие губы, поджатые в выражении вечного недовольства, острый взгляд глубоко посаженных белесых глазок. Чахлая, почти безгрудая фигурка. Размашистая походка, при этом странным образом бесшумная, как полет совы. Не только Стрелецкая разглядела Карину. Карина тоже прекрасно разглядела Жар-Птицу. Губы ее, если это только возможно, поджались и еще сильнее, и тогда Жар-Птица поняла, что хорошие отношения с мастером участка Морозовой ей не грозят ни в коем случае. И, отлично заметив этот мимолетный взгляд, позади испуганно вздохнул кто-то из девчонок. И уж, конечно, заметил мимолетный обмен взглядами кругленький, улыбчивый Саблер, от которого какие-то отношения между людьми скрыть было попросту невозможно. Куда позже, когда она уже училась у него, одновременно выполняя операции, какие попроще, и обратила на себя его благосклонное внимание, он даже попробовал с ней объясниться. Наверное, – и в связи с Кариной, но и не только.

– Настенька, деточка моя, – проговорил он, помявшись некоторое время, – зря вы сюда устроились, ей-богу...

– Яков Израилевич, за что такая немилость? Глупей других? Не стараюсь? Понебрежничала когда?

– Да нет, золотко, вы умненькая и старательная девочка. Даже слишком умненькая, на мой взгляд, и когда вы делаете что-то, в этом нет ни азарта, ни особой старательности новичка, – знаете? Так и кажется, что вам доводилось делать вещи и посложнее.

– Я никогда не работала ни закладчицей, ни оператором кристаллизаторной установки. И ничего похожего не делала тоже. Это правда.

– Да не об этом же речь, Эстеркен! Я говорю за другую жизнь, для которой ты родилась, я же вижу. Шла бы ты... ну, разве же я знаю, – в артистки, что ли? Уж с твоей-то роскошной внешностью. А здесь сплошь те, кому больше некуда деваться. Босяки, которых никто не пускает в приличное общество, – не то приличное общество, которое раньше, а то, которое теперь считается приличным. Нам же этот завод вместо лагеря, по недоразумению, и только до тех пор, пока мы здесь живем как в лагере, и не видим белого света, кроме работы. За границей, у буржуев, есть роскошное слово «резервация», там в Америке держат индейцев, но это-таки проходит и для всех других, которые не совсем прокаженные, но все-таки.

– Тогда я здесь именно что на своем месте, дядя Яша. До сих пор не могу понять, почему меня не сослали.

– Что, таки и твоих?

– Угу. Обоих родителей. И не знаю, где они и что с ними. Одно хорошо, – я у них одна была. Так что у меня одна дорога, на производство.

Хороший старик. Умный. И в том, что ей говорил кое-какие небезопасные слова, не сделал глупости. Правильно оценил, что уж она-то их никому передавать не будет. В обоих случаях, хотя и по разной причине. Но пока что ее спрашивали о Карине.

– Она абсолютно предана младшему технологу опытно-поточного производства Беровичу. Пойдет за него не то что на смерть, но даже на любые пытки.

– Кажется, мы дошли до самого интересного, а?

– Судить вам, товарищ Сталин. Это человек, который практически постоянно что-то делает своими собственными руками. Меряет, налаживает, регулирует, собирает. Подчиняется и директору, и главному технологу, и главному конструктору. Конструктор, кстати, отыскал его, добился перевода на этот завод, и, более-менее, покровительствует ему. Берович без оговорок выполняет любую работу по ремонту и наладке оборудования. Если поблизости кто-нибудь из «стареньких», они хоть останавливают, направляют кого положено, а то так бы и бегал на любую ерунду. Почти никогда ничего не требует, старается обойтись тем, что есть. И по большей части обходится.

– И чего тут, – Сталин слегка нахмурился, в голосе его впервые промелькнули нотки нетерпения, – необычного? Я жду, товарищ Стрелецкая.

– Необычно здесь то обстоятельство, что практически любые требования, любые задания, любую работу он действительно *выполняет*. В том числе такую, которую выполнить кажется невозможным. Я справлялась у посторонних людей, на других производствах того же профиля. И второй интересный факт: официальное начальство готово разбиться в лепешку, когда *этой* их подчиненный чего-то все-таки требует. Справедливости ради надо сказать, что все его запросы и заявки касаются только производства и *никогда* не касаются зарплаты, условий работы, бытовых удобств, продолжительности рабочего дня, – Жар-Птица размеренно загибала пальцы, – непомерного круга обязанностей и официального положения самого Беровича. Если бы не Карина, он жил бы в цеху, питался всухомятку, а по выходным проживал бы в общежитии на койке, в комнате на двенадцать человек, нажил бы язву и чахотку, но эта самая Карина такая стерва, что с ней предпочитают не связываться никто, в том числе руководство...

– У вас получается какой-то идеальный исполнитель без амбиций. Вроде джинна Аладдина: именно Аладдин отдает приказы, которые выполняются, но кому он интересен без джинна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.